

Евгений Захаров

Светлана Берд

Тришельцы не залетали?

Фантастические
рассказы с изрядной
долей юмора

Евгений Захаров

**Пришельцы не залетали?
Фантастические рассказы
с изрядной долей юмора**

«Издательские решения»

Захаров Е.

Пришельцы не залетали? Фантастические рассказы с изрядной долей юмора / Е. Захаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518403-0

При первоначальном знакомстве с историями, составившими этот роман, неизбежно наталкиваешься на аллюзию с булычевским «Гусяром». Мол, провинциальный городок, в котором живут совершенно обыкновенные люди, с которыми случаются совершенно необыкновенные вещи. Это и так, и не так. Булычев откровенно высмеивает людские пороки и неправильности в общем мировом порядке. Новоозерские же байки написаны просто для того, чтобы повеселиться самим и повеселить окружающих. Веселитесь, господа, веселитесь!

ISBN 978-5-00-518403-0

© Захаров Е.
© Издательские решения

Содержание

ПРИШЕЛЬЦЫ НЕ ЗАЛЕТАЛИ?	6
Пролог	6
Жизнь коротка, искусство – вечно!	8
Аптека «Розовый слон»	12
Страшный зверь	15
О том, как выключили солнце	17
Привет Джону Кэмпбеллу*!	21
Бой Сашки Панкратова с Идолищем Поганым	24
Инкубатор для чудовища	29
Старик Гехван и тайная комната (Смерть в Ленинке)	34
Пиво, соки, воды	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пришельцы не залетали? Фантастические рассказы с изрядной долей юмора

**Евгений Захаров
Светлана Берд**

© Евгений Захаров, 2020

© Светлана Берд, 2020

ISBN 978-5-0051-8403-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРИШЕЛЬЦЫ НЕ ЗАЛЕТАЛИ? Фантастический роман в рассказах

Пролог (куда ж без пролога!)

Есть в мире города большие, а есть маленькие. И люди в этих городах живут большие и маленькие. Большие люди в больших городах теряются и кажутся маленькими. Но даже самый маленький человек в самом маленьком городе кажется большим.

Вот перед нами, стоящими на автобусной станции, разлегся на все четыре стороны провинциальный городок Новоозерск. Назван он так в честь Новозера, расположенного от него к северо-западу. На юго-востоке же, напротив, находится Старозеро, но оно никому не интересно, за исключением разве что лягушек и деда Кондрата, который все равно продолжает ловить в нем рыбу, отродясь в Старозере не водившуюся.

Мы гости в Новоозерске нечастые, поэтому пройдемся только по Первомайской до Горсовета и обратно, чтобы ненароком не заблудиться, и узнаем местные новости.

Первый абориген, который попадаете нам навстречу – конечно же, Сашка Панкратов. Лучший друг всех чертей и инопланетян сельской местности юга России. Потому что пьет, да, а кто не пьет, но не только поэтому, а из-за того еще, что Сашка – всем добрый друг, и до всего ему есть дело. Сейчас ему есть дело до тетушки Агафьи, что торгует на рынке картошкой. Вот по дороге он нам все и расскажет.

Рядом с тетушкой Агафьей на рынке стоит Василиса Абрамовна Юй – редкий случай! – смертельный враг Панкратова. Они даже на Межпланетном суде тяжбу затеяли, но об этом позже.

Июль месяц. Страшная жара. У лотка «Пиво-Соки-Воды» томится молоденькая продавщица. Она – новенькая в городе, поэтому ни мы, ни Сашка не знаем, как ее зовут. Предшественник же продавщицы, киоскер Михал Андреич Леший оказался зловещим гением, породителем чудовищ и главой заговора, поколебавшего устои не только Новоозерска, но и самой Москвы, отчего и скрывается он теперь за границей...

На этих словах Сашка прервался и побежал, размахивая руками, на грузовик с арбузами, который как раз заруливал на рынок. Водитель, выслушав и получив энную сумму, кивнул и уехал вместе с арбузами.

Панкратов вернулся и поведал, что полосатые пойдут на подарок ко дню рождения его соседу, грузину Гехванидзинжадзе, чье имя-отчество затерялось в недрах революции. Старик Гехван, потомственный джедай и первопроходчик недр Ленинской библиотеки – большой любитель полосатой ягоды (не путать с крыжовником)

Кстати, о последнем. Вырулив с рынка, продолжаем поход и двигаемся мимо супермаркета «Озерки», принадлежащего братьям Крыжовникам. Сии братья, оказывается, недавно вместе с мафиози Мандельштуцером подстрелили на Старозере водяного-китайца. Сашка упомянул и о своей скромной роли в этом удивительном приключении.

По дороге мимо нас с диким ревом пронесется на своем Бешеном Моцыке некто Гуга Голенищев по прозвищу «Гуго Капец». Ничем особым он еще не отличился, но у юноши все впереди. Сашка подозревает, что скорость света для гугино Моцыка – не предел.

Судя по мрачному виду Гуги, его только что оштрафовал за превышение сержант Фердинанд Габсбург. Героический Ферда на днях помогал расследовать одно сложное дело, для чего произвел контрольный вылет на дельтаплане для осмотра окрестностей.

На балконе дома номер девять по улице Миллионной машет гантелями писатель Аркадий Слононосцев, с которым у Сашки связана настолько жуткая история о призраках, что у Панкратова загревок встает дыбом, и он невольно прибавляет скорости.

Стараясь не отстать от гида, мы доходим до рыбного магазина на пустыре, за которым, по словам Сашки, недавно нашли инопланетянские круги, закупаемся для себя минералочкой, для Сашки – таранькой, и поворачиваем обратно – до Горсовета топать далековато оказалось. А дойдя до скверика, и вовсе садимся отдохнуть.

Сашка тащит из одного кармана бутылку пива, из другого – записную книжку, на обложке которой корявым почерком были любовно выведены слова «Новоозерские бывальщины». Затем он на несколько минут выпадает из общественной жизни, очищая сухую рыбешку.

– Фантаст Буран попросил все-все записывать, – наконец говорит Сашка, выкидывая пустую уже бутылку в урну. – Книгу мечтает написать обо всем, что у нас творится. А я у него вроде как местного архивариуса. Зачесть вам, может?

Сашка усаживается поудобнее и раскрывает книжку на первой странице.

– Началось все со Спиридон Спиридоныча, которого...

Жизнь коротка, искусство – вечно!

Спиридона Спиридоновича ненавидели соседи. Жил он в одной из еще сохранившихся на окраине города коммуналок. На территории означенной квартиры проживало, кроме него, крепкое мужское братство без какой-либо примеси женского населения. И вместо того, чтобы скопом, всем дружным коллективом, спиться, как все нормальные люди, Спиридон Спиридонович оказался в этой чисто мужской компании ярко выраженным изгоем.

Спиридона Спиридоновича часто обзывали. Обзывали его страшно, грубо, с ярко выраженным оттенком брезгливости. Иногда при этом в него кидали разными мелкими предметами, разбивали об его голову бутылки, проклинали страшно, но всегда, заметьте, он ухитрялся вновь возвращаться к повседневному образу жизни. Весь сыр-бор разгорелся по той простой причине, что Спиридон Спиридонович играл на баяне, подпевая. Вернее, это он так считал. Соседи его придерживались совершенно противоположного мнения. Они считали, что он поет, подыгрывая себе на баяне.

Нет, оставшаяся троица тоже частенько пела, но без баяна, и уже в таком состоянии, когда человеку, как Маяковскому, начинает нравиться музыка водосточных труб. Парадокс – даже в таких случаях душераздирающие вокализы Спиридона Спиридоновича не только не способствовали развертке и свертке души, но вызывали у слушателей, как у собачек Павлова, вполне определенные рефлекссы.

– Гнать заразу! – ревел обычно Рафаил Иванович Гариллаз, который хоть и был полуглухим (в детстве он засунул себе в ухо глаз плюшевого медвежонка, и, несмотря на усилия всех окрестных врачей, а также приезжего специалиста из Крыжопля, глаз в ухе у него так и остался), но Спиридон Спиридоновича презирал из принципа.

Еще он презирал некоего Александра Панкратова за то, что тот, хоть и любил выпить, никогда с Рафаил Ивановичем за один стол не садился. Да тот и не звал, а водку, по черномрачным мыслям Гариллаза, жрал тайком в темном подвале, при тусклом свете керосиновой лампы.

Второй сосед, Федор Игнатьевич Гундосый, человек по натуре культурный, не чуждый мировой духовности и эстетизма, пения Спиридоныча не выносил по иной причине. Гундосый имел абсолютный слух. Поступить в филармонию ему помешало только то, что с детства у него отсутствовали некоторые важные для произношения зубы, а пальцы свои он берег. У Гундосого была своя страшная тайна: он отращивал Самые Длинные В Мире Ногти, чтобы попасть в книгу рекордов Гиннесса. Никто этой тайны не знал, потому что Федор Игнатьич и зимой, и летом ходил в одних и тех же кожаных перчатках, ссылаясь на якобы мучающий его артрит. Правда, перчатки с каждым годом приходилось покупать на размер больше, а ногти – подвязывать шелковыми нитками.

Гундосый вообще из зависти презирал всех музыкантов, а Спиридоныча сторонился еще и по той причине, что задолжал ему сорок рублей, возвернуть кои он не мог, да и не хотел. В глубинах подсознания Федор Игнатьевич страшился того, что в финальной битве Спиридоныч обломает ему его рекордные ногти, а любимую его книгу под названием «Тайны Фэн-Шуй: тысяча и один способ напиться в пустыне» попросту отберет в качестве компенсации за душевные переживания по поводу невозвращенного долга. Признавать этого Гундосый категорически не хотел, но всякий раз при виде сутулой фигуры Спиридоныча на всякий случай прятался в подворотне, совсем несолидно для своего возраста нырял в мусорные баки, а один раз даже укрылся в канализационном люке, в результате чего стал непригодным для общения на долгое печальное время. Именно тогда и образовалось крепкое мужское братство, ибо жена его завела иностранного любовника и уехала навсегда на Кипр.

Третий сосед, пожилой грузин Гехванидзинжадзе (имени и отчества его мы не упоминаем из чисто человеческих соображений) вообще ничего и никогда не говорил, а на экзерсисах Спиридоныча обычно спал, мелодично подхрапывая в такт музыке. Хотя он и был грузином, но грузином исключительным – у него, в отличие от Гундосого, абсолютно не было не только слуха, но и голоса, вследствие чего в музыке он разбирался, как свинья в апельсинах. Зато питал тайную страсть к арбузам. Все об этой его тайной страсти знали, и Гехвану (так его любовно звали соседи) очень повезло, что он родился летом. На день рождения ему дарили исключительно арбузы, чем приводили седоусого старикашку в состояние до слез трогательной радости. Позже эта радость сменялась раздражением, потому что Гехван после употребления полосатиков занимал туалетную комнату всерьез и надолго, причиняя понятные неудобства соседям по коммуналке.

Соседям Спиридона снизу, сверху и с боков тоже приходилось несладко, но, как говаривал классик, человек – не блоха, ко всему привыкнуть может. К тому же после одиннадцати Спиридоныч, как законопослушный гражданин, песен не пел и музон не лабал, так что придраться было не к чему. Так и терпели.

Однако среди всех окружающих несчастного певца людей был один слушатель, которому Спиридоныч был невероятно благодарен. Слушатель этот приходил по средам ровно в полседьмого вечера и сидел рядом с вдохновенно распеваящим Спиридоном, склонив голову и внимательно слушая. Иногда он закрывал глаза и, казалось, наслаждался кошачьими звуками, вырывающимися из глотки вокалиста. Это подстегивало, и Спиридон вдохновенно брал новую ноту, еще пронзительнее предыдущей. Так что обычно среда была у Спиридоныча праздничным днем. Самое интересное, откуда взялся таинственный фанат и каким образом он попадал в комнату Спиридона, оставалось загадкой. Соседи вокалиста в ответ на подробные расспросы последнего крутили пальцем у виска, присвистывали и выразительно цокали языком.

Однажды, как уже понятно, в среду, Спиридон решил-таки выяснить, кем же является таинственный поклонник его скромного таланта. Он вновь попробовал поспрашивать у соседей, но у тех находились только одни слова, которыми они хотели поделиться с местным соловьем: «Надеемся, сегодня вы нас избавите от ваших обычных фиоритур?» (эту мысль, выраженную в наиболее пристойной форме, высказал Гундосый, так как остальные высказали свои соображения куда менее цензурно).

Спиридоныч сплюнул, отработанным движением закинул на плечо ремень музыкального инструмента и заиграл свою коронку – «А где мне взять такую песню?». Слушатели хором посоветовали – где, и оскорбленно разошлись по комнатам.

Ровно в полседьмого явился поклонник. Он, как обычно, закрывал глаза и бледнел при звуках знакомого голоса, но бледнел как-то уж очень интенсивно, и глаза открывать не спешил. Спиридон играл все самое душещипательное, что только знал, и пел так, что надрывалось сердце (судя по стонам из соседних комнат, не у одного Спиридоныча). Завершив концерт особо заковыристым пассажем, Спиридон в изнеможении отвалился на спинку стула. Минут десять он сам, его баян и слушатель пребывали в блаженном молчании. Затем поклонник с трудом открыл глаза и торжественно сказал:

– Спиридон! Ты – величайший музыкант на Земле!

– Ну уж, – скромно ответил Спиридон.

– Никакое не «ну уж», не спорь. Я объездил много планет, и на Земле побывал не один раз, поэтому со всей ответственностью заявляю – ты значим. Даже больше скажу – ты велик.

Незнакомец подморгнул Спиридону третьим глазом, на миг открывшимся у него под подбородком, весело потрепетал рудиментами жабр, и продолжил:

– На нашей планете, название которой ничего тебе не скажет...

– Почему это? – удивился Спиридон. – Я, знаете ли, астроном-любитель.

– Ну хорошо, – кротко склонил голову слушатель и взбудоражил нежные уши Спиридона булькающей какофонией, долженствующей означать, видимо, название его родной планеты.

– Похоже на звуки, которые издают нечиненые канализационные трубы, – вежливо заметил Спиридон. – Но вы правы. Я действительно никогда не слышал о такой планете.

– Так я могу продолжать? – полюбопытствовал незнакомец, и, получив разрешение, кивнул. – На нашей планете испокон веков существует закон о неприкосновенности жизни. Человек не может умереть, пока сам он того не захочет. А никто не хочет – жить у нас интересно!

– Интереснее, чем у нас? – ревниво спросил Спиридон.

– Конечно! – с энтузиазмом воскликнул пришелец. – Каждый день после работы мы клупаем, а после этого даже остается еще немного времени на зондаж!!!

– На какой еще зондаж? – насторожился Спиридон, у которого были сложные отношения с медициной.

– Это такая игра с пирцами и хрумсами, – пояснил пришелец. – Развивает ложноножки и укрепляет бруз.

И он показал на живот, где, по рассуждению Спиридона, и находился искомый бруз.

– А как проводят время у вас? – жадно поинтересовался слушатель. Спиридонич хотел было рассказать про баню по воскресеньям и взятие снежного городка на празднике проводов зимы, но постеснялся, справедливо решив, что незнакомец сочтет эти забавы не слишком забавными.

– Да ничем особенным мы не занимаемся, – вздохнув, наконец ответил он. – У нас на первом месте – работа.

– Ясно, – глубокомысленно заявил пришелец. – Вы еще не пришли к системе разумного отдыха. Это вас ожидает в отдаленном, но светлом будущем.

– Что же произошло с вашим народом? – вернул беседу в прежнюю колею Спиридонич.

– А вот что, – незнакомец возвел глаза к потолку. – Наша цивилизация оказалась на грани катастрофы. Планета переполнена, пирцев, а тем более хрумсов, уже на всех не хватает, а переселиться мы пока никуда не можем. Идут работы по освоению планет-доноров, но это – долгая бодяга. Или, говоря по-твоему, по-музыкальному – волынка... Ты мне веришь?

Спиридон взял несколько аккордов песни «Когда усталая подлюдка...», но ничего не ответил.

– Так вот, – сказал инопланетянин, – Меня и моих товарищей направили на поиски способа быстрого решения проблемы. И я...

Голос его задрожал, он сглотнул, но взял себя в руки и молвил:

– И я нашел этот способ. Я боялся ошибиться, проверял несколько дней подряд – это были наши Среды, ты знаешь, в другие дни я не мог прийти – занимался поисками на иных планетах. Но сегодня я отбросил все страхи и сомненья: решение наших проблем – это ты, Спиридон. Как ты думаешь, сколько мне лет?

– Сто двадцать два!!! – послышался крик Гариллаза с кухни, где соседи уже приняли ежевечернюю дозу. Гундосый и Гехван ответили дружным хохотом. Спиридон же только пожал плечами и улыбнувшись, вновь растянул мехи.

– Не сто двадцать два, – обидчиво сказал пришелец. – А двести двадцать три! Мои прямые потомки уже переполнили небольшой поселок городского типа. Я же, даже понимая суть проблемы и искренне желая помочь родной планете, честно говоря, не собирался умирать. До тех пор, пока не услышал твоей игры и пения! О-о, как у меня чешутся руки пойти и повеситься прямо сейчас! Но нельзя. Я должен немедленно вернуться домой и доложить. В награду оставляю тебе чемодан денег. Прощай, Спиридон, мы с тобой не увидимся больше. Помни: ты – спаситель нашей планеты!!!

Неизвестный слушатель растворился в воздухе, оставив, как и обещал, чемодан с деньгами. Как ни странно, рубли были наши, российские, с водяными знаками, да еще и с разными

номерами, то есть, не фальшивые! Представляя себе характер Спиридона, вы выскажете предположение, что за эти деньги он превратил соседей в своих благодарных поклонников до конца жизни?

Вовсе нет. Деньги он никак не тратил, спрятав чемодан до поры до времени на антресолях. Между тем в благодарных поклонниках недостатка он тоже не испытывал – к нему повадились каждый вечер ходить новые слушатели, лицом – один в один с первым.

– Тот хоть раз в неделю приходил, – ворчал Гундосый, с ненавистью поглядывая в коридор, где стояла очередь одинаковых почитателей. Впрочем, вели они себя тихо, и ругать их было не за что. Гехван, правда, обвинил одного из таких в краже калош, но на следующий день обнаружил в обувнице десять пар – новеньких и с бантиками, чему так удивился, что ушел в свою конурку и не выходил три дня. Даже в уборную. Питаясь при этом арбузами. Чудеса!

В конце концов, паломничество достигло таких размеров, что однажды Спиридон исчез вместе с парой десятков слушателей и баяном. Как оказалось, исчез он навсегда.

Гехван, как раз ковылявший тем вечером из уборной, уверял всех и каждого, что видел, как один из непрошенных генацвалей пытался целовать Спиридону руки, бормотал: «Маэстро, вы – гений! У меня и яд припасен. Умоляю, поедьте к нам! У нас вам будет почет и уважение! Что хотите! Конную статую из золота и иридия хотите? С баяном наперевес!», на что Спиридон ответил что-то... Не по-нашему... А! Вита, говорит, бревис, арс – лонга! Черт его знает, матерщина какая-нибудь. После чего все – пу! – и исчезли. Мамой клянусь!

Над Гехваном посмеялись и посоветовали перейти с арбузов на моченые яблоки. Однако Спиридон и вправду пропал, из всех вещей захватив с собой только баян. Несколько недель ждали – может, вернется? Заявление в милицию давали о пропаже. Сломав казенную печать, вещи соседа потихоньку растащили по комнатам, пусть докажут потом, что чужое...

Запнулись на чемодане. Нашли его все втроем – Гариллаз, Гундосый и Гехван, когда полезли на антресоли в поисках чего бы пропить. Открыли крышку. При виде денег старику Гехвану стало плохо, и он упал со стремянки. Потом ему стало хорошо – где-то на второй сотне тысяч рублей.

P.S. Если гулять всем городом – даже чемодана денег будет мало.

P.P.S. Вороватая троица какое-то время вместе лечилась от белой горячки, зато теперь бодр, весела и ждет, кого поделят в комнату Спиридона.

P.P.P.S. Желательно, конечно, чтобы новый сосед умел играть на каком-либо музыкальном инструменте. Если же он еще и петь сможет, то счастьем его новых соседей не будет предела...

Аптека «Розовый слон»

Александр Панкратов был человеком творческим и ни от кого не зависимым. Поэтому много пил. Пил не для того, чтобы получить открытый доступ к глубинам своего сознания, и уж точно не ради того, чтобы в подпитии создать что-то поистине гениальное и получить за это премию. Нет. Он пил ради самой водки. Ради испытания ощущения, когда горькая жидкость, обжигая своими едкими парами нёбо и горло, проникает вовнутрь Александра, плавно оседает на стенках его желудка и вызывает массу приятных ощущений, заканчивающихся, правда, всегда одинаково: Сашка Панкратов напивался до полусмерти и жутко маялся головой.

К слову сказать, головная боль была его единственной проблемой, поскольку приходила всегда не вовремя, била по мозгам и (в отличие от тещи) ее нельзя было запереть в ванной. Иногда в нескольких, особо мучительных периодах своей жизни, Панкратов даже подумывал о том, чтобы бросить пить, но его воспаленный мозг упорно подавлял это желание, поскольку слово «водка» и слово «морг» представляли для Александра хоть и не одно и то же, но бросить первое означало неминуемое посещение второго.

Поэтому Сашка пил. Иногда с друзьями, иногда сам, запершись в тесной комнатухе и произнося красивые тосты в стихах самому себе. Причем в одиночестве тосты получались у него втрое лучше, чем при друзьях. Наверное, потому, что при друзьях тосты произносить не удавалось: водка выпивалась мгновенно и с завидной постоянностью.

Однако мы заговорились. Описание жизни Александра Панкротова подробно излагается в Краткой Летописи Города Новоозерска с шестой по девятую строчку страницы тридцать третьего тома, а мы же с вами возьмем отдельно взятый эпизод из его нелегкой и полной будничных проблем жизни.

В тот день Александр напился рано. Виною тому была бутылка водки, которая чудесным образом обнаружилась под диваном. Залезши за диван в поисках своей шапки, Сашка был поражен и обрадован неожиданной находке и тотчас, не отходя от места, решил отметить столь радостное событие. Бутылка была выпита быстро и молча прямо из горла и без передышки.

Стоит ли говорить, что уже к обеду Панкратов почувствовал себя плохо. Его било похмелье. Боль накачивала с затылка, прогуливалась по коре головного мозга, капала на глаза и вообще вела себя грубо. Александра прошиб холодный пот, он лежал на диване и нервно стучал кончиками пальцев по граненому стакану. Даже захоти Сашка остановиться, его пальцы все равно бы продолжали стучать, поскольку с дрожью в суставах Панкратов поделаться ничего не мог.

И вот, когда боль достигла своего пика, упав куда-то в область живота, Панкратов решил действовать. Он весело разбил свою свинью-копилку, в которой как раз набралось около пятнадцати рублей на аспирин, и рысью ринулся на улицу искать аптеку.

Аптека нашлась быстро. За ближайшим углом. Небольшой магазинчик из белого кирпича с уютной лесенкой и дубовыми дверьми притягивал своей простотой и ненавязчивостью. На крыше магазинчика красовалась вывеска: «Розовый слон». Взбежав по ступенькам, Панкратов распахнул дверь и окунулся в запахи. Это было блаженство! Пахло медицинским спиртом и старой слабостью Сашки – батончиком «Гематоген». Застыв на секунду на пороге, Александр решительно направился к прилавку.

– Мне, пожалуйста, две пачки аспирина! – произнес он, с нежностью разглядывая небольшого розового слоника, стоящего на полке сбоку.

– Аспирин не продаем, уважаемый, – ответили ему.

– Как это так? Всегда был, а теперь вот нету? – изумился Панкратов, и соизволил наконец посмотреть на продавца.

Наверное, его очень сильно мучило похмелье. Ведь такого быть просто не могло. Такого не существовало!!!

Перед Сашкой стоял розовый слон его, сашкиных, размеров и улыбался. Или скалился. Или просто водил языком по откинутой верхней губе и чистил зубы. В любом случае вид у слона был странным и необычным.

– А у нас, уважаемый, никогда аспирина и не было, – сказал розовый слон, лениво протирая кончиком хобота стеклянную поверхность прилавка. На стекле оставались едва заметные розоватые разводы.

Панкратов шумно втянул носом проспиртованный воздух и неожиданно даже для самого себя нагло спросил:

– А почему?

– Аспирином мы не торгуем, – безмятежно ответил слон, – Мы слониками торгуем. Розовыми!

– То есть как? – не понял Сашка, у которого в голове уже брезжили картинки из фильмов ужасов про зверей-психопатов. «Скоро должен появиться и зеленый лев, – почему-то подумал он, – они всегда появляются в самом конце».

– Мы продаем сувениры на память всем, кто желает. Пятнадцать рублей штука! Плюшевый розовый слон – радость в вашем доме! Ясно?

– Вы что – инопланетяне? – спросил Панкратов с опаской.

– Почему инопланетяне? Слоны мы, – ответил розовый слон, – игрушками торгуем, понимаешь?

– Ага, тогда вы из другого измерения! Я о них книжки читал всякие, фантастические!

Слон смерил Александра презрительным взглядом и фыркнул. С кончика хобота закапала на стекло мутноватая жидкость, отдаленно напоминающая шампунь для волос.

– Вы продаете слонов, внутри которых заложены детонаторы! Как только жители Земли их раскупят, все плюшевые слоны взорвутся, и тогда нам каюк! – Панкратов даже вспотел от такого смелого предположения.

– Да нет. Обычные игрушки, – пожал плечами розовый слон.

– Ага! Я понял! Ваши коварные розовые слоны умеют разговаривать и гипнозом убивать людей! Или подчинять их своей воле! – Сашка распалился все больше.

Розовый слон лениво чистил спичкой клыки.

– Или они набиты современной инопланетной электроникой, которая перепрограммирует всю нашу аппаратуру, и тогда Земле уж точно крышка!

– Опилками они набиты, – проворчал розовый слон. – Ты покупать будешь или нет? Наши розовые слоны – самый лучший подарок! Они не опасны и покрыты полезным для воздуха слоем мази из мяты!

– Чтобы всех потравить! – догадался Панкратов.

– Чтоб приятный запах был, – слон поморщился, – не то, что от тебя!

– А что я? – Сашка насторожился. – Плохо пахну, что ли?

– Честно? Очень, – сказал слон, – словно ты с утра выпил целую бутылку водки!

– Не было такого, – слабо запротестовал Александр, – и вообще, вы, захватчики поганые, не лезьте в наши земные дела! А то сейчас милицию вызову, они вашим плюшевым слонам все хобота поотрывают!

– Брюх! – устало крикнул куда-то за стенку розовый слон. – Брюх, иди сюда, тут еще один клиент чокнутый пришел! Что-то их в нашу лавчонку притягивает просто!

За спиной слона отворилась невидимая до этого дверь, и появился зеленый лев с повязкой на голове.

– Что, мужик, проблемы? – доброжелательно поинтересовался лев, – слоны розовые не нравятся? У тебя аллергия на опилки, может?

– Да я... за аспирином зашел... вообще-то... в аптеку... – пробормотал Александр, чувствуя, что не только теряет останки самообладания, но и намеревается сползти по стене на пол. Зеленый лев внушал ему беспричинный страх и детскую робость. Наверное, из-за слишком больших зубов и свирепого взгляда последнего.

– Я же говорил, – сказал розовый слон, – надо было ставить наш магазин подальше от аптеки, а то к нам одни алкаши заходят!

– Я не алкоголик, – возразил Панкратов, – и, вообще, дайте мне одного вашего слона! Я покупаю.

Оба продавца сразу оживились. Лев сделал шаг назад, а розовый слон мгновенно протянул Панкратову плюшевую игрушку:

– Пятнадцать рублей с вас! – улыбаясь, произнес продавец с хоботом.

Сашка протянул деньги, схватил плюшевого слона и скрылся столь быстро, что лев не успел даже с ним попрощаться.

Пришел Александр домой весь в поту и тотчас завалился на койку, переваривая услышанное и увиденное. Лежал он так два дня, а потом нужда заставила его все-таки жить дальше, и вскоре Панкратов пришел к выводу, что все это – плод его бурной и творческой фантазии. Даже пробовал написать об этом книгу, но дальше пролога дело не заходило, и вскоре эти грандиозные планы покинули его голову навсегда.

Но в аптеку «Розовый слон» он больше никогда не ходил – мало ли что. И даже гематогеном не соблазнялся.

Его же собственный плюшевый розовый слон и вправду оказался набит опилками. И никаких микрочипов в нем не было. Да и людей он не гипнотизировал.

...А по крышам он лазал только по ночам, когда Сашка спал и ничего этого не видел.

Страшный зверь

«...Вот еще ходят слухи о таком звере невиданном. Неизвестно откуда он взялся и каким вообще образом оказался близ берегов наших, но доподлинно известно – неспроста это случилось.

Немногие очевидцы рассказывают, что он страшен: вместо туловища – металлический бак, ржавчиной подпорченный, но не протекает, между головой же и баком – проволочная борода. Звать его вроде бы звали, но на людской язык это никак не ложится. Нарекли выродка Ходопаром, да так и осталось имечко. Ничем особенно хорошим он не занимался, да и плохим – тоже. Но одно дело он выполнял с постоянным успехом – поедом ел пьяниц. Объяснить это практически невозможно, но целая группа ученых города Новоозерска из двух человек во главе с А. А. Панкратовым и гр-ном Гехванидзинжадзе решила обстоятельно выяснить эту проблему, разложить ее по полочкам и ответить наконец на давно терзаемые местное население вопросы:

- а) есть ли у таинственной твари лицо (или, на худой конец, морда);
- б) кто он вообще такой?
- и, самое наболевшее,
- в) зачем есть пьяниц?

При применении высокооптической техники (старого цейсовского бинокля, завалывшегося у старика Гехвана еще с войны) и двухдневном сидении в засаде возле излюбленного места отдыха хищника – старой пристани – было определено, что морда у Ходопара в наличии имеется. На оной прочно обрелся нос, крючковатый и в красных прожилках, что послужило косвенным подтверждением ответу на наболевший вопрос «в»: работа-то вредная. Также на премерзкой физиономии кровожадной гадины обитала пара цепких глазенок и беззубая шепелявая пасть.

В связи с последним пункт «в» приобрел особенную остроту: как же он ест пьяниц без зубов? Но, по мере продолжения наблюдения, было установлено, что рвать человека клыками, урча и слизывая с бороды струящуюся алую кровь – настолько непозволительный в наше время интеллектуального прогресса садизм и неуважение к личности будущего покойника, что подобных тварей не было бы жаль расстрелять на месте из орудия крупного калибра самой мелкой дробью – чтоб дольше мучился, нехристь!

А вот эдак подойти тихохонько, сделать вполне культурное «Гам», чтобы не обиделся никто, да еще и нечистого члена общества устранить – это ли не польза государству? При этом полное объяснение получает бак вместо туловища. В нем наверняка имеется некий раствор, химической формулы которого исследователи по понятным причинам раздобыть не смогли, в котором пьяницы и различные алкоголики тихо-мирно и без особых проблем превращаются в продукты отходов. Также в баке наверняка присутствуют змеевик и отдел, в котором из вышеозначенных продуктов перегоняется спирт, ибо Ходопар работает не только на ходу, но и на пару, а спирт является необходимым в данном случае топливом для его движения.

И вот тут уважаемые исследователи подошли к давно мучившему их пункту «в»: зачем же все-таки подопытный ест пьяниц? Помимо необходимости в топливе для передвижения. И на это вскоре также был получен ответ, предложенный ни кем иным, как специалистом в области горячительных напитков различной крепости и вкуса А. А. Панкратовым. Выпить ему хочется, вот чего! А никто ж не наливает! Кто ему нальет, такому-то, с бородой жестяной? Вот и ходит он по городу, выставив бороденку и скаля беззубые десны, и высматривает! Выглядывает! Ишь, какой!

- Нет, в общем и в целом не злой он. Плюнешь в него – не обидится. Оправдывается только: – Служба такая!

Вытянет шею, глянет куда-то в сторону:

– Прошу прощения!

Отошел, сглотнул кого-то, вернулся, бурча раствором и гремя змеевиком:

– Служба такая!

По данным поисковой службы гр. Гехванидзинжадзе, шныряет неопознанный пароходящий объект по улицам, знает наперечет все окрестные рестораны, столовки и кафешки – вдруг свадьба у кого или проводы на пенсию случатся внезапно? Присасывается к окну, смотрит жадно и громко булькает при каждом тосте. Шторы задерживают – ему все равно, то тут, то там мелькает налитый раствором глаз. Пожалеют, вынесут ему чекушку – и вот он уже веселенький, до утра гуляет, песни поет нехорошие, по аллеям шляется, стучаясь о платаны, и никого не ест. Хорошо!

Так что если вдруг выпимши вылезете на улицу освежиться (Сашка Панкратов, по крайней мере, так решил), будьте немножечко внимательнее. Не то сразу же раздастся возглас, которого вы, вполне возможно, уже не услышите:

– Служба такая!

Правила поведения при встрече с Ходопаром (являются интеллектуальной собственностью естественнонаучной комиссии под рук. А. А. Панкратова и гр-на Гехванидзинжадзе):

1. Если вдруг все-таки вы решили выйти прогуляться в нетрезвом состоянии – держите под рукой чекушку.

2. Если найдете Ходопара спящим – не пробуйте похмелиться из бака: можете перепутать отделы и нахлебаться подозрительного раствора со всеми вытекающими ужасающими последствиями.

3. Трезвым встреча с Ходопаром опасностями не грозит – можете потрепать его по бороде, он это любит, и пообещайте навестить с поллитрой (бабушкой, тещей, начальником).

4. Размножение описанию не подлежит, ибо науке неизвестно. Возможно, происходит при помощи пара. Подсматривать нехорошо.

5. Не пробуйте ударить его палкой по баку – звереет. Строго воспрещается.

6. А если по голове – пробуйте, не воспрещается. Она у него все равно пустая.

«Ибо есть сие правда о звере невиданном, неслыханном, а кто не верит – они все дураки» – А. А. Панкратов, «Новоозерские бывальщины».

О том, как выключили солнце

Началась эта история вовсе не на дальних рубежах нашей необъятной Родины (где как-то в ночь решили самураи), и не однажды в Америке (с которой, как обычно, все и начинается), а вовсе в небольшом городке Новоозерске, что близ Черного моря (где несколько самых решительных граждан уже открыли купальный сезон).

Брячислав Сапсанов-Стукнутый вышел из собственной квартиры в доме номер четыре по Связному переулку и направил стопы свои в овощной магазин, дабы удовлетворить свои скромные потребности. На сегодняшний день скромная потребность состояла в нескольких килограммах огурцов, помидоров и небольшой капусты для салата «Весенний» по рецепту Елены Молоховец.

Стояло тихое и благостное весеннее утро. Светило и пригревало солнышко, на небе не было ни облачка. Деревья уже покрылись новенькими клейкими листочками. В песочнице на углу маленькие дети весело совали в бутылку с водой кусок карбида. И настроение у Брячислава, и так хорошее, повысилось на несколько градусов и стало просто отличным.

Отличным оно оставалось ровно до конца квартала, ибо, повернув за угол, Брячислав узрел стоящего, прислонившись к стене, небезызвестного широким кругам населения Сашку Панкратова.

– Здорово, Стукнутый, – безмятежно поздоровался Сашка.

– Сапсанов, – сквозь зубы сказал Брячислав, и прибавил шаг, но Сашка не отставал:

– Куда?

– В магазин, – буркнул Брячислав.

Хорошее настроение стало собирать вещи и в спешке прощаться.

– Вот удача! – обрадовался Сашка. – И я туда же! Вместе пойдем!

Про то, что он собирался за червями для рыбалки, Панкратов умолчал. И даже украдкой кинул в кусты лопату и банку, где отчаянно извивался одинокий дождевик. Брячислав не обратил на это внимания, ибо шел строго вперед, не оглядываясь и бешено махал полиэтиленовым пакетом. Сашка оробел.

– А со мной намерен вот какой случай приключился, – робко сказал он, заглядывая в лицо Брячиславу. Чтобы не отстать, ему пришлось перейти на медленный бег. – Пришел я намеренно домой часа в два ночи. Сам понимаешь, под мухой. То да се, губная помада на лбу. В общем, стою под дверью, думаю, как бы мне Машку к себе расположить, чтоб не сковородкой, как в прошлый раз. Кстати, Бряк, знаешь ли ты, как выпить так, чтобы потом никто не заметил, что ты выпимши?

Сапсанов пожал плечами. Сашка довольно потер руки.

– Последний раз объясняю! Берешь лимончик...

Сашка уже набрал в грудь воздух, чтобы разразиться лекцией на тему «Трезвенники и язвенники, или Как выпить пять бутылок, чтобы потом не было мучительно больно!», но тут, на счастье Брячислава, они уже подошли к овощному и бесстрашно нырнули вовнутрь.

Там была прохладная, пахнущая яблоками и картошкой тишина. Возле прилавка стояло человек пять. Еще трое скитались по магазину, придирчиво изучая ассортимент.

– Тебе чего? – спросил Сашка.

Стукнутый молча набирал в кулек ингредиенты для салата.

– Ага, – пронизательно сказал Панкратов. – Салат «Весенний» по Молоховцу. Возьми еще шпинат и горошка зеленого.

Перебивая запахи яблок и картошки, по магазину стал волнами расходиться неповторимый Сашкин аромат.

– Опять, – проворчала продавщица Зина, с ненавистью глядя на Панкратова.

Сашка поднял руки.

– Ей-бо, с утра не пил! У меня, если хотите знать, сегодня День Здоровья!

– Распустилась молодежь, – нервно сказала какая-то старушка.

– Спасибо за комплимент, – расплылся в улыбке Сашка, – Мне тридцать восемь, если кто не в курсе!

– Да кому ты нужен, алкаш! – стала заводиться бабка.

Сашка вдруг понял, что он один, а покупателей много. Поэтому он влез без очереди, купил пачку сигарет и лимон под расчет, и, втянув голову в плечи, выскочил из магазина на вольный воздух. Брячислав облегченно вздохнул и пристроился в хвост очереди к прилавку.

И тут вдруг все померкло. То есть стало темно, как ночью, и даже темнее, потому что ночью хоть луна светит. Наступила гробовая тишина. Брячислав поморгал глазами. Светлее не стало.

Все посторонние звуки в магазине стихли. Сапсанов все еще моргал глазами – уже лежа на полу. Ему вдруг показалось, что он умер. Он решил позвать кого-нибудь, чтобы тот рассеял его заблуждения, а заодно и мрак, царящий вокруг.

– Ау, – тихо сказал он.

Своего он добился – откуда-то слева и снизу вскрикнули старческим голосом и послышался шум падающего тела.

Следом подала голос продавщица:

– Что это такое? – плаксивым голосом молвила она, – Немедленно прекратите!

– Пробки выбило? – предположил чей-то баритон.

– Причем тут пробки? – возмутилась продавщица, – У нас и свет-то не горел! Утро на дворе!

– Тогда в чем дело? – спросил Брячислав.

– На нас кинули атомную бомбу! – с энтузиазмом воскликнул кто-то.

– Не порите чушь! – рассердились где-то, – Мы бы тогда умерли! А мы не умерли! Наверное.

– Может быть, все-таки умерли? – этот вопрос все еще интересовал Стукнутого.

– Ну нет! – все еще сердилась какая-то женщина. – Я бы тогда не чувствовала своего тела. А я его чувствую! Вот ущипните меня!

Брячислав покладисто протянул руку и ущипнул. Взвыли мужским голосом.

– Вот видите! – не растерялась неизвестная собеседница, – Человек тоже чувствует, значит, не умерли!

– Свет еще не дали? – слабо поинтересовалась старушка из-под ног Сапсанова.

– Света, бабуля, полно, – издевательски пропела продавщица. – Лежите смирно, и все образуется.

– Помогите, у меня каблук в щели застрял! – крикнула одна из покупательниц от лотков со сморщенными яблоками.

– Может быть, солнце взорвалось? – была высказана еще одна гипотеза исчезновения естественного освещения.

Кто-то начал в самых невероятных подробностях описывать давнюю бомбежку Югославии, как вдруг запищал телефон. Брячислав сразу догадался, что его, вытащил трубку и нажал клавишу приема.

В трубке зашипело, шелкнуло, потом голос, похожий на жужжание пчелы, свирепо прокричал:

– Ваше солнце погашено! Вы окружены! Сдавайтесь!

– Кто это? – испуганно сказал в трубку Стукнутый.

Из-под локтя его кто-то шумно задышал, свистя носом.

– Мы – Армия Освобождения Вселенной От Вас, Гадов!!! – отчеканили в трубке, – Власть вашего Черного Диктатора Табурэта испокон веков держала под пятой нашу бедную, стонущую и плачущую Галактику Гончих Коров! Ха-ха, пришел час расплаты! Разведка донесла, что Диктатор скрывается на Миджубичеши, мы выследили вас и выключили солнце! Сдавайтесь, не то умрете!

– Что там говорят? – просипели откуда-то из-под коленки Брячислава. Забыв, что ничего не видно, Сапсанов погрозил в ту сторону кулаком. Там ничего не увидели, но покорно умолкли.

– Какая еще Миджубичеши? – строго сказал в трубку Стукнутый.

– Вы даже не соизволили поинтересоваться, на какой планете зализываете раны, грязные упорки!

– Простите, конечно, – ядовито сказал Брячислав, – Но наша планета называется Земля! В трубке озадаченно замолчали.

– Говори ты, черт! – крикнул Сапсанов, – Единицы тратятся, деньги утекают!

В трубке послышался шелест бумаг и чей-то далекий голос: «Взрывать или не взрывать? Я хочу пончиков!» Сапсанов ждал, считал в уме потраченные единицы и нервно ковырял ногтем паркет. Все покорно молчали, затаив дыхание. С улицы уже слышался вой пожарной сирены и крики ужаса.

– Земля? – раздалось наконец в трубке.

– Да!

– Блескучее вдсшиж?

– Это что?

– Солнечная система по-вашему. Ну?

– Да-да, она самая!!!

– Планета, состоящая на одну треть из воды?

– Ну!

– И у вас нет диктатуры?

– Лично у нас – давно!

– Ну, а звездные корабли? – умоляюще спросил голос.

– Есть, но они дальше орбиты никуда не улетают.

В трубке хмыкнули. Голос издали проканючил: «Ну скоро бомбить-то, а? У меня обед!»

– Вы клянетесь? – уточнил Брячиков собеседник.

– Здоровьем мамы! – с воодушевлением поклялся Сапсанов.

– Верим! – отрубил голос в трубке, – Тем более, что ваши ответы сканировались и про-
тупировались на валекторе лжи! От имени всей Армии Освобождения приносим свои извинения вам и вашей планете!

– Да что там, – растрогался Брячислав, – Прилетайте в гости, спросите – вам все укажут овощной магазин на углу Пушкина и Тимирязевской!

– Чем мы вам обязаны за беспокойство? – деловито поинтересовался таинственный освободенец.

– Нам ничего не надо, – благородно отказался Брячислав, – Только солнце включите обратно, пожалуйста. А то уже довольно прохладно.

– Какие проблемы! – ответил безымянный собеседник, и отключился. Телефон пискнул и умолк. В ту же минуту на улицы и в окна магазина буквально обрушились солнечные лучи. Все вскрикнули и зажмурились.

Брячислав Сапсанов-Стукнутый осторожно открыл глаза. Рядом с ним лежала скандальная старушка и какой-то мужчина с пышными усами. В углу возле яблок красивая женщина сосредоточенно вырывала каблук туфли из щели в полу. Как только его товарищи по несча-

стью оклемались, они всем скопом накинулись на смущенного Брючислава, стали его качать, целовать и жать руки.

Продавщица-таки обсчитала его на два рубля. Правда, это выяснилось уже дома.

Вскоре ужасные воспоминания о недолгой мгле стерлись из людской памяти. Город зажил своей обычной жизнью. Сашка Панкратов пошел на рекорд – не пил уже вторую неделю. На площадку перед Домом Культуры приехал луна-парк с комнатой смеха и зоопарком. Сантехник Семен чинил прорвавшую трубу в налоговой инспекции. Брючислав ходил на работу, ждал отпуска и с продавщицей из овощного не здоровался. Вот так вот!

Привет Джону Кэмпбеллу*!

Ничипор Котейко не любил фантастику. Ну не сказать, чтоб на дух не переносил, конечно. Если ехал в трамвае, а путь предстоял долгий, мог и проглотить рассказик-другой из книжки, которую ему предстояло «раскрутить». Но так, в охотку – никогда и ни за что.

Котейко по профессии был слесарь-сантехник второго разряда, а по призванию – литературный агент. У него присутствовала деловая хватка и обостренное чутье на таланты. Так, по крайней мере, утверждал его сосед, Федор Игнатьич Гундосый, человек, не чуждый культуре, и даже однажды принесший Ничипору на читку свой сборник песен.

Кстати сказать, именно с Федора Игнатьича все и началось. Когда-то давно, примерно год назад, в дверь к Котейко поскреблись, и голос Гундосого робко сказал:

– Позвольте войти?

– Конечно-конечно, – Ничипор распахнул дверь.

Федор Игнатьич прошел в комнату, поозирался, словно видел ее впервые, тронул корявым пальцем в перчатке зазвеневшие тут же висюльки на люстре и промямлил:

– Слышал я, Ничипор, ты в литературном искусстве силен?

Котейко, который иногда баловался рассказами из грубой, но правдивой жизни слесарей, подбрасывая их в журналы типа «Сельское жито» и получая в ответ однотипные ответы: «Пробуйте себя, молодой человек», нахмурился и с достоинством ответил:

– Маненько есть.

– Тут вот мне бы я притащил тут, – скороговоркой заговорил Гундосый, а сам тем временем совал в руки Котейке что-то шуршащее, пахнущее колбасой, в целлофановом кулке.

– Это что еще? – удивился Ничипор и запустил руку в кулек. Ухватив, он вытянул на свет стопку листов. – Стихи, что ли? Ты, никак, стихи пишешь, Федор?

– Стихи не смею, – кротко опустив глаза, изрек Гундосый. – Это песни. Их петь надо.

– Ага, – крепко задумался Котейко. – А чего ты от меня-то хочешь?

– Ну так я же и говорю, – торопливо, как бы боясь, что Ничипор вот-вот погонит его поганой метлой восвояси, сказал Федор Игнатьич. – Песни это мои. Хочу отослать куда, чтоб напечатали. Как тебя, – и он угодливо заглянул в глаза покрасневшему Котейке, чей последний слесарный опус «Мужицкая тоска» взяла-таки окружная «Сермяжная правда».

– Ну, оставляй, поглядим, – вселяя надежду в нежную душу песноплетца, проворчал Ничипор.

Повеселевший сосед убежал, а Котейко, погрузившись в кресло, принялся изучать потрепанные листки.

На первой же странице сверху было выведено: «Н. Котейке, моему духовному наставнику». Немало поразило Ничипора и то, что все песни Федора Игнатьича были о близком ему сантехническом деле. Заподозрив соседа в низкопоклонстве, Котейко принялся за читку. То, что он прочел, неожиданно оказалось не так уж и дурно. Тексты будущих песен не то, чтобы убеждали читателя в несомненной одаренности Гундосого, но брали неподдельной искренностью и блиставшей между строк скупой мужской слезой:

Как возьму я ключ, ключик гаечный,

Отверну ключом одну гаечку,

Отверну ключом другу гаечку,

Ан глядишь – и обед уже.

Побеседую эх с Мишанею,

Побеседую эх с Петюнею,

Ой, да про шайбочки

Ой, да про шлангочки.

Ой, да гусак возьмем,
Да сантехнический...

В таком примерно народно-водопроводном стиле были выдержаны и остальные песенные творения. Наскоро окрестив рукопись «Слив-страдания», Ничипор, кряхтя, уселся за печатную машинку, коя была приобретена им еще во времена первых робких набросков и эссе типа «Регулярно забиваешь водосток – укорачиваешь его срок». Скромно избежав посвящения, он принялся набивать текст.

Отправив рукопись по нескольким уже проверенным адресам, Ничипор принялся ждать ответа. Федор Игнатьич несколько раз заходил, деликатно кашлял в кулак и просительно заглядывал в глаза, но Котейко принимал строгий вид и говорил уверенно:

– Ну чего ж ты хочешь, сосед, там ведь тоже люди сидят, не мы же одни им творенья шлем.

Однако откликов на «творенья» не поступало. И тут неожиданно к Ничипору подоспело подкрепление.

– Слышь, Котейка! – остановил его на улице своей нетвердой рукой известный всему Новоозерску Александр Панкратов. – Говорят, ты писателей крутишь?

Ничипор покаянно склонил голову: кручу, мол.

– Слышь! А меня возьмешься покрутить немножко? У меня тоже книга есть.

Котейко всем своим видом, и даже позой изобразил невероятное удивление.

– А чего ты? Здоровская! Про упырей, ведьмаков и одного злого-презлого кашея!

– Вы, Александр, в детстве не наигрались? – мрачно спросил Ничипор.

– Эх, ты, голова куриная! – обидно сказал Сашка. – Это же фантастика! А еще точнее – фэнтези. Там чудеса, там леший бродит – читал? Вот, это тоже фэнтези. Только я про наш Новоозерск написал. Как будто на нас напала кровожадная нечисть! И я всех спас! Здорово!

– Скажите, а зеленые черти там фигурируют? – съязвил Ничипор.

– А вот это вы напрасно, товарищ Котейка! Я ж в завязке два месяца как! Ну, вот время и убивал. Роман получился!

Котейко заволновался. Немыслимо, сказал он себе, чтобы такое бесхвостое существо, недавно слезшее с дерева, каким являлся Панкратов, смогло написать книгу.

– Пошли, покажу! – И Александр отвел его к себе домой, и показал ему несколько тетрадок, исписанных от корки до корки неровными пляшущими человечками, в которых человеку искусственному все-таки можно было угадать буквы.

– Возьмешься? – уточнил Панкратов.

Ничипор сдуру согласился. Следующие два месяца он убил на расшифровку и печатание панкратовской нетленки. Все пять копий он разослал теперь уже в московские издательства. Сам же Александр тоже времени не терял. Он громадными прыжками носился по городу и выколачивал из всех, способных держать перо, труды, дабы товарищ Котейко смог прославить город Новоозерск в веках.

Время шло. Рукописи несли, бедный Котейко продал мотоцикл и купил компьютер, стараясь ускорить процесс, ибо никто из местных авторов необходимой техникой не владел и передавал свои труды в рукописи. Но решительно ни одно издательство не желало иметь ничего общего с провинциальными талантами. Повезло лишь одному Гундосому, несколько из песен которого увенчали страницы «Сельского жита». Панкратов отчаялся, назвал слесаря-литагента халтурщиком и прохвостом, отнял своих упырей и вновь ударился в загул. Ажиотаж спал, наступило время забвения.

И вот в один прекрасный день, а точнее, в одну прекрасную ночь Ничипор сидел на лавочке возле своего дома и курил, обозревая пространства звездного неба.

– Жалко, что я сам не пишу, – подумал вслух он. – Почитаешь эти «Записки простреленного», «Даша – королева джунглей» или «Рыцари с королями – братья навек!» – аж выть

хочется! Эх, какая скукота! Вот я бы разошелся! Но не дано. Про что не возьмусь писать, все на слесарей сворачиваю. Кому, к черту, нужны книжные слесаря? Их и обычных-то...

И внезапно небо осветилось, звезды потухли, и что-то огненно-черное, огромное, безмолвное, кануло круто вниз, сделало круг над городком, вошло в пике и с грохотом, как в масло, вошло в ближайший лесок.

Ничипор ни минуты не сомневался. Там, в лесу, возможно, потерпел аварию какой-нибудь «Ан» или «Ту» – Котейко, как уже указывалось, был просвещенным человеком и знал о ситуации в нашей авиапромышленности. Не задумываясь, он опрометью кинулся к лесу.

В лесу почти не горело. Огромная туша изрыгала клубы дыма, а вокруг нее прыгал какой-то человечек, размахивая руками. Котейко подбежал ближе.

– Ептыть, их как она, а ведь едрит твою налево! – заорал человечек, показывая на дымящийся агрегат.

– Ну так екарный бабай, ты ж ведь твою дивизию когда она искру-то дает, надоть чтоб через коромысло! – ответил ему на профессиональном языке слесарей-сантехников Ничипор.

Они немножко померкали, а потом, дождавшись, пока перестанет дымить, по одному полезли вовнутрь. То один, то другой вылезали наружу и изрекали по несколько емких терминов, малопонятных стороннему наблюдателю, если бы он был. Наконец человечек выбрался к отдыхавшему Котейке и затарахтел все на том же наречии, помогая себе энергичными пассами. Ничипор закивал и стрелой помчался к дому. Вернулся он уже со своим рабочим чемоданчиком.

Полязгав и побрякав в металлических внутренностях агрегата, ликующий человечек выбрался оттуда и затряс руку Котейке:

– Етить-колотить! – приговаривал он. – Етить-колотить!

После чего впрыгнул внутрь, помахал Ничипору, сделав сигнал «отскочь». Котейко послушно скакнул куда-то вбок, а туша, зачихав и закашляв, поднялась в воздух, покачала боками в знак прощания и дунула ввысь. Одурелый Ничипор смотрел ей вслед, пока она не растворилась среди звезд. Только теперь слесарь понял. Услужливая память подсунула ему и шесть рук, бестолково машущих в воздухе, и скользкое пожатие десятипалой кисти на прощанье.

Придя домой, Ничипор думал ничуть не меньше, чем перед спасением рухнувшего «самолета». Он врубил компьютер и затарахтел по клавишам...

Сейчас уже пятый роман Котейки выпущен солидным столичным издательством. Ничипор раздобыл, купил новый мотоцикл, сменил неблагозвучную фамилию на Буран, а затем и вовсе отвалил на московские просторы. Новоозерчане порадовались за соседа, а после выхода его десятого, полуавтобиографического романа «В провинциальном городке водилось чудище в реке», местной библиотеке было решено присвоить имя Н. Котейко.

И только старик Гехванидзинжадзе переживал. Он тоже в душе был мастером художественного слова и мечтал выпустить книгу. Но силы воли, чтобы сесть и написать ее, не имел никогда. Поэтому всякий раз, проходя мимо библиотеки, он стискивал зубы и выдергивал из усов несколько волосков – если бы он сумел переломить себя и выплеснуть все, что накопилось, на белоснежные листы – носила бы городская библиотека вместо глупого и бездарного Котейки гордое, но труднопроизносимое имя старика Гехвана!

* *«Джон Кэмпбелл – известный американский фантаст, возглавлявший ведущий американский журнал „Astounding Science Fiction“, превратившийся под его руководством в настоящий „питомник талантов“: им были открыты такие дебютанты, как А. Азимов, А. Ван-Вогт, Р. Хаббард, Р. Хайнлайн и другие» – «Энциклопедия фантастики: Кто есть кто».*

Бой Сашки Панкратова с Идолицем Поганим

...А надо вам сказать, что в Новоозерске Сашке Панкратову не завидовал только бронзовый бюст Ильича, что, стоя перед мэрией, гордо указывал, куда нам всем следует идти.

Все дело было в том, что супруга Сашки, Мария Панкратова с недавних пор заняла почетное кресло главного экономиста в элитном «Новоозерскпромстройинвесткредитбанке». Так что семейные обязанности домохозяйина исполнял донельзя довольный супруг экономиста. Злые языки утверждали, что Сашкино положение шатко и валко, что выгонит его жена не позднее субботы, ибо суббота – банный день, и Александр в который раз приползет домой на свежевымытых бровях. Однако пролетала суббота, и воскресенье с непременно футболом, и понедельник с рыбалкой, и вторник с преферансом, и среда с походом в лес по грибы да по ягоды, а Сашка все еще оставался на прежнем супружеском месте, веселый, как пташка. Да и жену его забитой и несчастной супружницей алкоголика назвать было никак нельзя. Маша, конечно, была тихой и нейтральной, но и ее можно было довести до летящей в голову кастрюли с борщом. А борщевых разводов на Сашкиной одежке не видывали давненько... Общественность терялась в догадках.

Был момент, когда все были просто уверены, что Сашка канет в Лету – это когда заезжий ревизор из Петербурга едва не увез мадам Панкратову с собой. Однако она предпочла незнакомому добру знакомое зло, и Сашка в который уже раз продемонстрировал злопыхателям ядерный кукиш. К тому же от Панкратова-старшего была еще и польза. Еще с армии он умел быстро и вкусно готовить, да и в чутком отцовском воспитании ему было нельзя отказать, хотя Панкратовы-младшие – тихие беленькие девочки Лида и Катюшка – отличались на редкость покладистым характером и большой самостоятельностью, так что кто кого воспитывал – это очень большой вопрос.

Поэтому ясно, что и Федор Гундосый, и друг его Гариллаз, и Исаак (в просторечии Изя) Шнобель, и сантехник Семен отчаянно завидовали Сашкиному безмятежному житью-бытью. В утренний час, когда они, отчаянно зевая, выстраивались в ряд на автобусной остановке, мимо обязательно, весело насвистывая, топал Сашка с кошелкой, удочкой или еще с чем вольным и располагающим к безделью.

В том июне случился ужасный недород. Огородники стонали стоном и кричали криком, но ничего поделать не могли. На новоозерские огороды обрушился напасть в лице... в морде... короче, в виде полчища слизней.

Пожилый отец Шнобеля Израиль Маркович слег в больницу с сердечным приступом, когда однажды утром увидел остатки результата трудов своих земных – изъеденные, исползанные и блестящие от слизневой слизи грядки. Шнобель-младший не поленился, съездил в райцентр за первоклассной отравой. По первости и вправду помогло, но потом набег (а точнее напозы) возобновились. Шнобель-младший на время махнул рукой на проклятье огородов, купил апельсинов и отправился в больницу навестить отца. Старый Израиль при виде казенных апельсинов уронил скупую мужскую слезу и про огород даже не спрашивал, прошептав только: «Шоб им латук не в то горло попал».

На обратном пути Шнобеля-младшего нагнал бодрый и свежий Панкратов. Огорода он не держал, называя это баловством, но, чтобы отметать более суровые нарекания, ссылаясь на застарелую травму колена. Колено, как по заказу, начинало ныть строго по лунному календарю посевных работ, что печатается в газете «Приозерная нива». Доктор Додока даже хотел писать по Сашкиной травме диссертацию, но гражданин Гундосый в приватной беседе просветил наивного хирурга по этому поводу. Оказалось, спортивная травма была приобретена еще в юности, когда Панкратов, Гундосый и Кудрявец со Шляпниковым полезли ночью в женской

общежитие чесально-мотального училища. Сашка сорвался с трубы, упал на клумбу и треснул коленкой о постамент Женщины С Мотком.

К тому же комендантом общежития тогда была жуткая бабища по прозвищу Мотовило, и когда она вышла на шум, глазам ее предстал только катающийся по земле и подвывающий от боли Сашка, так как остальные успели смыться. Собственно, колено должно было болеть у Мотовила – именно им она наподдала утекающему Сашке, в связи с чем у Панкратова поврежден был скорее крестец. Насчет крестца Сашка не заикался, да и Гундосому доверять было особо нечего – его, кроме собственных Почти Самых Длинных В Мире Ногтей, никогда и ничего не интересовало.

В общем, огород был на время забыт, Сашка с Исааком и вовремя ухваченным за подол Брючиславом Сапсановым-Стукнутым отправились в Парк Культуры и Отдыха. Сперва они, как водится, почерпнули культуры. На летней эстраде выступала заезжая звезда Ничипор Буран с чтением в лицах отрывков из своего нового романа «Брызги Млечного Пути». После окончания брызг грех был не выпить местного вырвиглаза под гордым названием «Архимед». За распитием горячительного их и застал сантехник Семен Скворешников. Заикаясь, он поведал о встреченном в канализации Царь-слизня ростом с собаку.

Рассказ Семена никак нельзя было приписать действию ядерности «Архимеда», поскольку Новоозерск был в этом отношении городком уникальным – в нем не было ни одного сильнопьющего сантехника. Тяпали – да, но только по поводу. Вот и сейчас явившийся абсолютно трезвым Семен опростал только одну рюмочку в честь Бурана, после чего и поведал о чуде природы. Собравшиеся загудели. Гул в общем и целом сводился к следующему: не бывает слизи подобной величины, пусть даже и в новоозерской канализации, где можно найти все, что угодно. Как-то заезжий австралийский гость клялся на ломаном русском, что был судьей на чемпионате по крысиному мини-футболу. Да, это точно не «Архимед», решили все, тут пахивает «Дарами леса» производства местного завода полуалкогольных напитков с «Мишкой на Севере» в виде закуски.

Так что никто сантехнику не поверил – все знали, что в канализации могут водиться только черепашки-мутанты. Причем в отличие от киношных ниндзя эти никакими боевыми искусствами не владели, а мутировали от попадающих в Новозеро нечистот. Подлые панцирники лазали в канализации и пугали домохозяек, рыча на них из сливных отверстий. Тетушка Агафья, например, боролась с ночными ползунами, засыпая сливы хлоркой – чтоб кровожадным гадинам жизнь малиной не казалась. Пока эта проблема не переросла в катастрофу, ибо размером мутанты были чуть побольше своих речных собратьев. Но слизни, да еще ростом с собаку? Брехня! Семен обиделся и ушел, ворча что-то о неуважении к работникам ключа и вантуза.

Праздник продолжался на приусадебном участке Сапсанова. Очень кстати случился и Иван Купала, о котором сообщил Гундосый, разворачивая воблу, которая была завернута в сегодняшние «Огоньки», и читая вслух о праздниках на неделе и о том, что именинники сегодня – Агафон, Акакий и Фемистоклюс.

Ночью, выйдя под звездное небо по неотложной надобности, Сашка смутно вспомнил, что они, кажется, плели венки и прыгали через костер. Вспомнил он об этом, зашипев от боли, когда, снимая штаны, задел ожог на пятой точке.

Застегивая непослушными пальцами «молнию», Сашка опустил глаза на любовно выпестованные родителями Стукнутого грядки.

Грядки блестели в свете луны.

Сашка насторожился.

Из зарослей кустов смородины раздался хруст веток – там кто-то тяжело и нехорошо ворочался.

Сашка прихватил грабли, прислоненные к развесистому персику, и стал подкрадываться.

В кустах заворочались бодрее, захрустев по направлению «вон с участка».

Сашка, ухнув, обрушил грабли вглубь кустарника.

Раздался мерзкий звук медленно отрывающегося скотча.

Панкратов присел и стиснул грабли что есть сил, после чего бесстрашно ринулся в смородинник.

Там не было никого, однако Сашка вылетел из кустов, чертыхаясь и по-журавлиному задирая ноги. Эти самые ноги пришлось тщательно вытирать о траву – они были по щиколотку уделаны мерзкой, гадостной и очень холодной слизью.

Надо отдать Сашке должное – он по-спартански быстро нашел на веранде свои сандалии, обулся, прихватил в придачу к граблям еще и тяпку, после чего бросился в погоню. До фермы он добежал минут за пять. Медведей и бомжей-смородоедов по пути не встретилось. Сашка постоял у ворот, разочарованный до крайности, и повернул обратно.

И тут он увидел Это. Виляя отвратительным толстым хвостом, Оно протискивалось в сливную трубу за коровником. Решетка от слива валялась рядом – видимо, техники днем забыли прикрутить ее на место.

Представляло собой Это слизня гигантских размеров. Сантехник Семен говорил, что он был с собаку, но Сашка поклялся бы здоровьем непьющей жены, что собака в таком случае должна быть не меньше водолаза. Панкратов, как во сне, повернулся и молнией кинулся на дачу. Там он, прямо в сандалиях, грохнулся на матрас рядом с похрапывающим Шнобелем и забылся мучительным сном. Во сне он видел жуткую, сигарообразную коричневую тварь, разевающую кошмарную пасть и хохочущую голосом Джаббы из «Звездных войн»: «О-хо-хо! А-ха-ха!» Сашка в ужасе пищал и прижимался потеснее к Шнобелю, отчего тот двигался все дальше, и дальше, и двигался так, пока не уперся в сервант, с верха которого на него свалилась вазочка с бумажными цветами, и тогда уже вставать пришлось всем.

Конечно, никто Сашке не поверил. Его подняли на смех и не дали похмелиться «Архимедом». Сашка обиделся, но не просто ушел, как давеча сантехник Семен, а наглухо – в штопор. Мария Панкратова выставила его чемодан на придверный коврик. Сашка с гордо поднятой головой взял чемодан и уснул на нем прямо на лестничной клетке.

Как уже упоминалось, стоял благословенный июнь. Сашке под каждым под кустом был готов и стол, и дом. В его комнате в коммуналке временно проживал частный сыщик Дормидонт Фанин. Сашка согнал бы его на топчан, но у Фанина как раз входил в решающую стадию роман с кассиршей Глашей, так что Сашка был там совсем ни к чему. Поэтому приютил его сердобольный Шнобель, чей папа выписался из больницы с подштопанным сердцем, но с душой, болеющей за родимые огородные культуры. Сашка же в ус не дул, сторожил шнобелевские грядки, ел шнобелевскую клубнику прям с куста, набирал оную в лукошко дочкам, а в отсутствии жены бегал кормить их горячими блюдами. Ночами же он спал прямо в огороде на раскладушке, в надежде все же застать Это на месте преступления. Вот тогда-то все и увидят, что никакой он, Сашка, не Мюнхгаузен, который славен не тем, что летал или не летал, а тем, что не врет.

К его величайшему разочарованию, арендованный им приусадебный участок набегам более не подвергался. Жутко много, правда, было обыкновенных слизняков, или, как их называл просвещенный Сашка, «слизнякус вульгарис». Панкратов утром аккуратно собирал их и торжественно топил в банке нитрофоски, играя на губах похоронный марш. Но все это было не то.

И тогда Сашка пошел на крайние меры.

В один прекрасный теплый вечер господин Панкратов, трезвый до отвращения, побросал в рюкзак кое-какие сюрпризы и недрогнувшей ногой сделал шаг в сторону непознанного. То есть снял решетку со слива и нырнул в дебри канализации. Вскоре, на Сашкино удивление, его нагнал сантехник Семен.

– Ну так, ептыть, – сказал он с укором приятелю, и дальше они поползли вместе.

Надо вам сказать, что пользы от Скворешникова было больше, чем вреда. Уж кто-кто, а он знал здешние окрестности как свою сантехническую сумку, в которой было столько различных мелких и, по разумению Сашки, совершенно ненужных деталек, что непонятно было, как Семен вообще ухитряется в них разбираться. А Семен разбирался. Однажды он на спор с завязанными глазами собрал сыщику Фанину новенькую финскую душевую систему, да так, что она вот уже пять лет работала у довольного Дормидонта как часы. А точно такую же сантехнику по инструкции собирал напарник Семена Кабармотов. И что бы вы думали? Заграничная система страшно хрипит, брызгается и всячески напоминает своему хозяину, поэту Слононосцеву, о проигрыше финской компании.

Вот и выходит, что без Семена Сашка бы уж точно заблудился в трубах под фермой, а то, глядишь, и задохнулся в скверных испарениях коровника. А так ничего. Попахивало, конечно, но Сашка был не из брезгливых.

Так бродили они, бродили, и совсем уже было собрались вылезать на свет Божий, как вдруг откуда-то из ответвления трубы послышалось мерное и мерзкое шуршание...

...Впоследствии Семен, повествуя о бое в недрах канализации, наболтал полной чепухи. Описание кошмарного существа не ограничивалось словами о величине с собаку. Понарасказано было и о рогах, и о клыках. И если с рогами у слизняков вроде бы все в порядке, то, услышав о клыках, собеседники попросту махали рукой на сантехника. Какие еще зубы, кричали ему, у слизней вовсе не зубы, а терка! А то тоже – зубы!

Семен же Скворешников, заслышав о терке, в бутылку не лез. Напротив, он расцветал и вываливал на собеседников новый ворох подробностей. Оказывается, Царь-слизень с ревом гнался за ним по трубам пять километров, чуть не догнал, но за ногу все-таки тяпнул, сволочина! В доказательство Семен обязательно закатывал штанину и демонстрировал всем ободранную щиколотку.

На самом же деле ногу отважный сантехник-сан ободрал в процессе панического бегства с места встречи с непознанным. Сашка глазом не успел моргнуть, как уже остался один на один с Извечным Врагом.

Суперслизень немного подумал (если он вообще умел думать) и пополз прямо на Сашку. Тот преодолел порыв побить рекорд Семена по бегу, звуки чьих шагов еще гулко звучали в трубе, и рванул с плеча рюкзак.

Сперва в ход пошла отравка. Сашка накануне составил убийственный коктейль, ингредиенты для которого одолжил у Израиля Марковича (сам же Шнобель-старший об этом не знал). От химической атаки Сашка пострадал и сам. В замкнутом пространстве коллектора отравка ударила в нос, отчего Панкратов зачихал и заперхал. Слизень меж тем ни удирать, ни тем паче умирать вовсе не собирался. Только волна прошла по его отвратительному липкому телу.

Тогда пошло в ход оружие номер два. Утирая бегущие из глаз слезы, Сашка порывлся в рюкзак и, морщась от смрадного слизневого дыхания, который уже подполз почти вплотную, через минуту уже держал в одной руке крест, а в другой – склянку со святой водой. Крестом он замахал перед собой, а из склянки щедро оросил клейкого противника. Вопреки ожиданиям, тот не растворился в воздухе с джаббьим хохотом, а продолжал, омерзительно чвакая, продвигаться по трубе в Сашкину сторону.

Тогда Панкратов пошел на крайние меры. Он вновь склонился над рюкзаком, а когда выпрямился, в каждой из его рук было по пачке соли «Экстра». Слизень продолжал надвигаться на Сашку и угрожающе размахивать своими рогами. Панкратов лихорадочно разорвал картонные упаковки и, как севастопольский матрос с известного постаменты, метнул сначала одну, а потом и другую пачку в проклятую тварь, сам же бросился на пол и закрыл голову руками. Потом все-таки не утерпел и подглядел сквозь пальцы.

С тварью произошла какая-то перемена. Хвост ее истерично заметался из стороны в сторону, глаза втянулись, и чертов слизень с грохотом стал кидаться на стены. По бокам его мгновенно потекла липкая слизь, а затем и вода. Сашка вжался в стену и сел, прижав к груди рюкзак, в ожидании конца уродливого приползца.

Через несколько минут в луже вонючей грязи лежал только небольшой, похожий на мочалку, остаток бывшей грозы огородов. Сашка судорожно вздохнул, подобрал рюкзачок и пополз на карачках, куда глаза глядят.

...Неизвестно, почему для возвращения в мир живых Сашка избрал именно этот люк. Да только по странному совпадению он находился в опасной близости от банка «Новоозерскпромстройинвесткредит». Сашка едва не овдовел, когда выполз из канализации прямо перед ясные очи родной его супружницы Марии свет Николавны. Маша ахнула и схватилась за сердце. Посудите сами – вы пытаетесь вычеркнуть из жизни человека, а он тем временем с горя бомжует и живет на трубах. К тому же глаза у него дикие, и амбре от него такое... Врагу не пожелаешь.

Так что Сашка беспрепятственно переехал с дачи Шнобелей в родные пенаты, был отмыт, накормлен и теперь сидел, пил чай, шумно дуя на блюдечко, и вполголоса, чтобы не услышала мать, рассказывал вытаращившим глаза дочкам о его бое с поганим идолищем.

А слизнячье нашествие стало потихоньку униматься и вскоре иссякло совсем.

Инкубатор для чудовища

Вениамин Аполлонович Вострицын терпеть не мог коммуналки.

Во-первых, потому что он сам проживал в одной из них, затерявшейся среди множества похожих, обшарпанных, старых, уже не дышащих, но кашляющих на ладан штукатуркой и обрывками многих слоев обоев квартир.

Во-вторых, Вострицын, ввиду, наверное, своих глубоких мещанских корней, до невозможности любил собственность. В особенности – съедобную. Поэтому его приводило в сильнейший гнев то обстоятельство, что один-единственный холодильник на четыре семьи был общим. Конечно, в пору расцветающего социализма это еще можно было бы пережить, поскольку жрать все равно было нечего, но сейчас! В наш-то век сорока четырех сортов колбасы, невиданного числа йогуртов, разнообразных чипсов, гамбургеров, сосисок в тесте и пепси-колы?! Не смешите!!!

Вострицын тихо страдал. Всякий раз, отворяя дверцу «Титана-248» с ободранной наклейкой Леонардо ДиКаприо на самом видном месте, он с тоской пытался угадать, сколько же котлеток будет в данный момент находиться в его кастрюльке, так рассеянно не закрытой им вчера вечером. И всякий раз Вениамин Аполлонович ошибался. Котлеток не оставалось совсем.

Не любил он еще и кисель, который обожали все остальные, но, равно как и прочие десять причин своей ненависти к соседям, предпочитал держать это в тайне. Единственным его слушателем был кот Шипр с драными ушами, живущий у Вострицына под кроватью.

В тот день Вениамин Аполлонович увидел на холодильнике книгу. Для произведения наибольшего впечатления на читателей поясним, что книг в четырех семьях коммуналки не читал никто. Семей-то, как таковых, практически не имелось. В одной комнате жил помещанный на индийской системе шакъя-йоги Василий Рама Богомяккий, в другой – шустрый, но влиятельный Ханс Христианович Мандельштуцер, своего знаменитого тезку, правда, никогда не читавший и в глаза не видевший (хотя последнее простительно). Также Ханс Христианович имел в подчинении двух мордворотов, которые, хоть и ночевали непонятно где, в светлое время суток от хозяина практически не отлучались. Сухость и патриархат квартиры разбавляла веселая семейка армян из Москвы, фамилию которых Вострицын произнести не мог даже под дулом пистолета, запинаясь где-то на слоге «вкргз». Семья состояла из отца Акопа, матери Вагизы и двух вполне взрослых дочерей. Все четверо, впрочем, появлялись в квартире редко. Поговаривали, что они занимаются нелегальной торговлей переправляемого из Кабардино-Балкарии коньяка «Юбилейный».

Так что читать книги в квартире было, прямо скажем, некому.

Стоит ли говорить, что Вениамина Аполлоновича целиком и полностью сожрало любопытство. Он осторожно взял в руки книгу и прочел название на глянцевои, но не имеющей ровно никаких рисунков обложке: «Как вырастить чудовище». А чуть ниже, вдавливая в глянец красную пасту, кто-то размашистым почерком добавил: «Просьба без спросу чудовищ не растить!»

Книга была не очень толстой, так – брошюрка. Свернув брошюрку в трубку, Вострицын небрежно засунул ее в карман брюк, после чего с чувством выполненного долга залез в холодильник.

Каково же было его удивление, когда между годовалой банкой с солеными огурцами и капустным кочаном, промерзлым до льдинок в листиках, он вдруг обнаружил пристально смотрящие на него маленькие красные глазки. Очки на носу Вострицына мгновенно запотели.

Обладатель глазок (оным оказалось что-то шерстистое, рыжее и комковатое) громко чихнул и прорвался трескучим баском:

– Похоже, эксперимент неудачен.

Вострицын, который воспылил желанием поскорее захлопнуть дверцу и мышкой юркнуть в свою комнату, ничего этого, однако, не сделал, издав лишь ряд нечленораздельных звуков.

– У тебя совсем головы нет, закрой дверь сейчас же, – приказало существо, высвободив свое тельце из ледяного плена. На его свалывшейся шерстке искрился голубоватый иней. – Волнуешься? Так ты не волнуйся, а лучше переносицу потри, поможет. А еще можно оливковым маслом на ночь лицо натирать. Тут где-то было оливковое, я видел.

На последнем слове существо вытянулось-таки из холодильника и, помахав лапкой онемевшему Вениамину Аполлоновичу, свернулось в клубок, клубок же закрутился спиралькой и буквально ввинтился в пространство, а, быть может, и во время. В общем, не стало его. И в тот же миг свет в кухне вырубился.

Вострицын же, как стоял, так и сел прямо на пол, даже не ойкнув от прикосновения к ледяному линолеуму. В зад ему больно уперся корешок книги, и Вострицын, будучи, прямо скажем, неглупым представителем рода человеческого, мигом сопоставил название книги с тем, что вылезло из холодильника. Получалось что-то совершенно необычное. И это необычное надо было непременно разъяснить.

Не успел Вениамин Аполлонович прийти к этому решению, как в кухню зашел один из мордоротов Ханса Мандельштуцера.

Еще когда тезка писателя и почти однофамилец поэта только въехал в квартиру, ее потрясли слухи о том, кто есть Ханс вообще такой. Василий Рама выдвигал предположение, что окаянный Ханс – питерский Аль Капоне, а сюда приехал скрываться от ментов и особенно от налоговой полиции. Акоп и Вагиза заявляли, что видели Ханса среди тех, кому принадлежал местный рынок, ну а сам Вострицын думал о Мандельштуцере совсем иное, но предпочитал держать свои выводы при себе. А ну как они окажутся правильными? Перспектива изучить подводный мир Озерка и близко познакомиться с обитателями тамошней фауны ему совсем не улыбалась. Поэтому он просто ретировался в свою комнату, невзирая на проклятия, которые издавал секьюрити, обнаружив, что света нет.

Вытащив книгу, он внимательнейшим образом начал ее изучать. Ничего более удивительного он еще не видел. Невзирая на экстравагантное название, эта книга как нельзя больше соответствовала своему назначению. Вениамин Аполлонович даже не был бы потрясен, если бы на корешке книги стояла надпись: «Занимательное животноводство». Ибо стиль, которым была изложена брошюрка, ничем не отличался от подобных же сборничков издательства «Знание». С первой же страницы детальнейшим образом было расписано, как построить инкубатор для чудовища (естественно, со схемами, ссылками и стрелочками), где взять ингредиенты для чудовищепроизводства (никаких отталкивающих и мерзостных компонентов вроде обрезков когтей ящерицы и козявок из носа крокодила не было и в помине, все ограничивалось известкой, пылью комнатной обыкновенной, шерстью линяющего кота и тому подобной прозой), заканчивая списком литературы, большинство которой была на непонятных языках.

Вениамин Аполлонович был, как уже указывалось, человеком неглупым, а посему весьма практичным. Конечно, ему сразу же захотелось вывести свое собственное чудовище. Но что подумают соседи по коммуналке? Ведь никакой живности, кроме изредка забежавшего на кухню в рассуждении чего бы покушать кота Шипра, в квартире не наблюдалось, да и кота-то терпели постольку-поскольку. А тут еще и чудовище... Хотя не должно оно быть большим, подумалось Вострицыну. Вон в холодильнике какое маленькое сидело! Значит, есть надежда, что и у него, у Вениамина, выйдет не больше. И все-таки...

Вострицын, как человек сомневающийся, отправился за советом к Василию Богомятому. Тот, как человек волнующийся, заикнулся о книге за общим завтраком, в результате тайна Вениамина Аполлоновича стала секретом Полишинеля. Акоп и Вагиза очень заинтересовались возможностью вывести своего чудовища.

– Может, у них шерсть хорошая? – по-хозяйски говорил Акоп. – На продажу сгодятся, на развод там, туда-суда?

– Интересно, а если оно говорящее, – с жаром перебивал его Василий Рама, – может, оно знает какой-нибудь новый способ самосозерцания по шакъя-йоге?

– Господа, господа, – прервал всех вкушавший доселе в молчании Ханс Христианович. – Вы забываете об одной немаловажной вещи. А если оно будет опасно? Оно же вас сожрет. Говоря «вас», я, естественно, имею в виду именно вас, поскольку со мной, сами понимаете, моя охрана. А с каждым из этих ребятков новоявленной твари придется здорово побороться.

– Гражданин Мандельштуцер, – обратился к нему Вострицын. – Не согласились бы вы стать, так сказать, нашим спонсором и выделить для охраны хотя бы одного из ваших... ммм... сотрудников?

– С удовольствием, – бесстрастно заявил Ханс Христианович, – по двум причинам: во-первых, я сам буду участвовать, а, во-вторых, если чудовище можно будет приручить, не исключено, что я заведу себе одного такого.

– Хоть двух! – разрешил Вениамин Аполлонович, считая себя ответственным за процесс выведения.

– Но не исключен и такой вариант, – столь же ровным голосом продолжил Мандельштам, – если эти чудовища окажутся особенно ценными, я у вас, милейшие соседи, и руководство, и самих полученных в результате эксперимента существ просто-напросто изыму. Надеюсь, никто не будет в обиде?

Сказано это было мягко, но никто из соседей спорить с любезным Мандельштуцером не решился.

В течение последующих двух дней будущие чудовищеводы добывали ингредиенты для выращивания. Пыль собрали сообща, графит из карандашей принес Богомягкий, дубовые стружки и железный зуб от циркулярки притащил со стройки Вострицын, армяне же внесли горсть гашеной извести – другой не было, слышай, оправдывался Акоп. С инкубатором проблем не оказалось: Ханс Христианович просто переслал куда-то по телефону все размеры и схему, и к вечеру им принесли уже собранный и подготовленный к действию агрегат. Василий Рама предлагал обложить инкубатор изнутри страницами из шакъя-йоги, но этому неожиданно воспротивились армяне.

– Может, я его тоже хочу обложить? – скандалил Акоп. – Армянской азбукой, к примеру. А вдруг оно по-нашему заговорит? На кой вам сдалось армянское чудовище? Оно только нам подойдет. Может возникнуть конфликт интересов!

С ним согласились, и Богомягкому было сделано внушение. Внушение произвел один из мордovorотов, и Василий Рама чуть было вообще не отказался от участия в опыте, но впал в нирвану на пару часов и по прибытии в сей мир уже забыл обо всех печалях. К тому же всех было готово для начал испытаний.

Вениамин Аполлонович торжественно всыпал в скороварку ингредиенты. Последним он добавил клочок рыжей шерсти Шипра. Затем все было энергично взболтано сотрудником Мандельштуцера и поставлено на огонь. Доведя до кипения, полученную однородную массу вылили в специальное углубление инкубатора, затем, как было показано на рисунках, закупирили, выставили нужные цифры на боку аппарата и стали ждать. В руководстве было сказано, что хорошее, доведенное до кондиции чудовище получается спустя четыре часа после активизации инкубатора. О том же, что делать с полученным в результате опыта чудовищем не было сказано ничего, но Вострицын надеялся на великие имена Песталоцци и Макаренко, считая, что воспитание может сделать из любого чудовища вполне приличного члена общества. Впрочем, Мандельштуцер явно не надеялся на благополучный исход дела. Он стоял в дверях, а его утлую фигурку с обеих сторон мощно подпирали мордovorоты. Василий Рама в ожидании принялся созерцать пупок, но Вострицын мог бы поклясться, что слышит испускаемое Богомяг-

ким тоненькое похрапывание. Вагиза же затеяла тихую перебранку с Акопом, затянувшуюся на все четыре часа.

Звон, раздавшийся из инкубатора, сообщил, что блюдо готово. Естествоиспытатели подо- брались и ждали чуда. Один из мордovorотов Мандельштуцера закрыл собой хозяина, дру- гой же закрыл первого, держа наизготовку пистолет. Из-за бугрящихся мускулами плечей секь- юрити выглядывал полный любопытства глаз Ханса Христиановича.

Что-то щелкнуло, стукнуло, дверца инкубатора распахнулась, и оттуда вывалилось чудо- вище. Было оно точь-в-точь как то, что сидело в холодильнике: маленькое, рыжее и встопор- щенное. Общественность дружно ахнула. Акоп упал в обморок, Вагиза захлопотала вокруг него, а Василий Рама медленно и тягуче произнес:

– ОМММММ!

Один из телохранителей Мандельштуцера «Оммма» не выдержал и выпалил из пистолета в стену. Второй последовал его примеру и грохнулся всей тяжестью на вмянувшего: «Караул!» Ханса Христиановича. Акоп ринулся под стол, руки за голову, ноги на ширину плеч. Вагиза заверещала по-армянски, а Богомягкий заголосил мантру с удвоенной силой. Вениамин Апол- лонович неожиданно для себя сохранял полнейшее спокойствие. Он во все глаза уставился на чудовище, которое, в свою очередь, уставилось на самого Вострицына. Откашлявшись, оно сказала хриплым басом:

– ОМММ!

– В смысле? – вытаращил глаза Вениамин Аполлонович.

– Караул! – деловито сказала чудовище и протарахтело несколько слов на неродном Вост- рицыну языке.

– Вай! – сказал вдруг из-под кровати донельзя изумленный Акоп. – Он по-нашему знает!

– Харе Кришна! – гавкнуло вдруг чудище, с явным недружелюбием глядя на собрав- щихся. – Харе Рама!

Василий Богомягкий упал носом и принялся исступленно лобызать пол перед носом рыжего существа.

– Я так и знал! – причитал он. – Я верил! Омм! Оммм!

А чудище, окинув всех неимоверно злым взглядом, вдруг свилось в клубок, и, как давеш- няя зверюшка из холодильника, превратилось в спиральку, которая мгновенно растворилась. И в тот же миг свет в комнате вырубился.

Еще какое-то мгновение все ошеломленно взирали друг на друга. А затем в дверь квар- тир застучали и закричали. То кричал обитатель соседней же коммуналки Рафаил Иваныч Гариллаз.

– Соседи! – вопил он. – Я тут у вас свою книжку не забывал?

Вениамин Аполлонович выскочил в коридор и, откинув цепочку, впустил Гариллаза. Рафаил Иваныч вошел, осветив пространство перед собой длинной красной свечой, которая была тщательно воткнула в донышко баночки из-под майонеза. Он по-хозяйски огляделся и скомандовал:

– В кухню!

– Если вы за книжкой, то она – вот, – и Вострицын протянул ему брошюрку. Сосед тут же вцепился в нее, как вцепляется в рыбу хищная птица скопа.

– Уже два дня ищу! – кричал он. – А она здесь! Ты рад, Рафаил? Очень! Я у вас тут опыт проводил – у меня не дали! А у вас вечно квартира пустует. Вот я и провел! И хорошо провел, правда?

– Я не знаю, – робко сказал Вениамин Аполлонович.

– Да я это я себе говорю, – сказал Гариллаз. – Привычка дурацкая, с детства осталась. И то сказать – приятно поговорить с умным человеком! Га-га-га! – посмеялся он бородатой шутке. – Да, кстати, вот ваша вещь!

И в руки Вострицына ткнулась баночка с оливковым маслом. Тот ошеломленно уставился на нее, и вот с помощью этого самого масла в голове его со скрипом начали проворачиваться какие-то колесики.

– Так э-э-э, – он хотел сказать что-то еще, но Гарилаз уже исчезал за дверью. Немного приостановившись, он обернулся, и свет горячей свечи выхватил из темноты его страшно-красное, как у вурдалака, лицо.

– Вы уж не сердчайте, что я его у вас в холодильнике оставил, – сказал Рафаил Иваныч сипло. – Думал, подольше протянет. А вы его испарили. В тепле оно долго не живет. Только если вы чудище создавать решили – будьте внимательны. Если положить гашеную известь, оно может и вернуться! Но – другим. Совсем другим.

С этими словами дверь за соседом захлопнулась. Вениамин же Аполлонович побрел в свою комнату. За спиной его уже вовсю ругались обитатели коммуналки, но это его не беспокоило. Что может значить гнев какого-то босса преступного мира против возвращения ставшего Другим чудовища? Не исключено, что всех их в этом случае ждет, по выражению Василия Рамы Богомягкого, один сплошной ОМММ.

Старик Гехван и тайная комната (Смерть в Ленинке)

Старику Гехванидзинжадзе хотелось тепла. Он сидел у окна и с тоской взирал на едва тронутые листвою ветви деревьев. Черные стариковские глаза ловили редкие лучи солнца, прорывававшегося из-за туч, как раб из цепей, картинку с изображением которого старик Гехван видел во вчерашней «Правде».

Вдруг в комнату постучали. Стучали деликатно, согнутым пальцем. Гехванидзинжадзе в квартире любили, можно даже сказать, почитали, и поэтому беспокоить стариковский досуг могли с исключительной нежностью. Ну, это только неугомонный Сашка Панкратов мог в любое время суток ломиться к старику и требовать тяпнуть с ним по-нашему, по-новоозерски. Сашку соседи унимали быстро, но гордый грузинский нрав, как поется в известной песне, не спрячешь в ножны, и старик мог обижаться несколько дней, пока ему не подносили с поклоном арбуза – свежего или моченого, это как на сезон придется.

Так вот, как уже было сказано, к Гехвану постучали. Старик прошаркал в двери и отворил ее ровно на полпальца, всунув в образовавшуюся щель свой внушительный нос.

– Эй, дарагой, – сказал он надтреснутым голосом. – Чего шумишь, чего хочешь?

– Товарищ Гехванидзинжадзе, вам письмо! – пропищали с той стороны голосом Рафаила Гариллаза, и в нос старику был робко сунут конвертик.

– Сыпасиба, – и письмо, перекочевав в сухонькую стариковскую руку, исчезло, тут же исчез и нос, а дверь, громко хлопнув, чуть не оставила взвизгнувшего Гариллаза без пальца.

Старик Гехван в последнее время боялся почтовых террористов. Начитавшись в газетах о жутком порошке, который нехорошие нехристи подсыпают в письма всем встречным и поперечным, он с великим подозрением стал относиться ко всевозможной корреспонденции. В частности, с нового года он перестал выписывать «Огоньки Новоозерска», вместо чего за газеткой принялся ходить в киоск. Писем ему практически никто не присылал – друзей и родственников своих Гехван пережил, а детей и внуков не завел. Поэтому письмо показалось ему весьма и весьма подозрительным.

Осторожно, издали, он потыкал в письмо кинжалом. Конверт явно не собирался взрываться. Тогда старик решился и одним махом распорол конверт. Внутри не было и следов порошка, а находился там маленький беленький листочек. Гехван почесал в затылке, но листок взял, развернул и даже прочел. Вот что там было:

«Дорогой Гехванидзинжадзе, извини, не помню твоего имени-отчества! Ты ведь помнишь меня, Вахтанга Мемердомошвили? Мы с тобой одно юнкерское училище заканчивали. Не знал, к кому обратиться, поэтому решил написать тебе. Видишь ли, всех своих друзей и родственников я пережил, а ни детей, ни внуков, старый ишак, не завел...»

Гехван строго посмотрел по сторонам и украдкой смахнул слезу, после чего стал читать дальше. А дальше новости пошли жуткие и страшные. Вахтанг рассказал, как он решил пойти в Российскую государственную библиотеку, или, как ее называют по старинке, библиотеку имени Ленина, чтобы посмотреть там кое-какие философские трактаты его любимого Платона, изданные на грузинском языке. Но, побывав в Ленинке, он обнаружил там такие вещи, что не может в одиночку с ними разобраться. В частности, он узнал, что правый коридор подвального помещения левого крыла библиотеки совершенно недоступен для посещения, а именно там, он в этом уверен, и находятся милые его сердцу трактаты. Однако доступ к ним запрещен, а ему, Вахтангу, очень хочется туда попасть. Не утрашили его и рассказы о том, что несколько посетителей, по ошибке пропущенных в злополучный коридор, так и не вернулись! Заканчивалось письмо тем, что Вахтанг обращался к Гехвану с просьбой помочь.

«Если мое следующее письмо, которое я напишу после похода из Ленинки, ты не получишь, отправляйся меня искать, дорогой. Вся надежда на тебя. Ну, а если суждено мне будет выбраться – приглашаю на шашлык и киндзмараули! И не спрашивай, за что – за понимание!»

– Э, какой глупый, – сказал Гехван, обращаясь к конверту. – Да ко мне бы приезжал, слушай! У меня этот Платон даже на карельском есть, да?

Но, как ни надеялся Гехван, второго письма из Москвы он не получил. И пришлось ему, собрав котомку и не отвечая на расспросы донельзя удивленных соседей, отправляться за тридевять земель – в столицу. Что поделать, старик был по натуре неизлечимым романтиком. Даже вино не могло в нем победить эту страсть, а наоборот – разжигало. Поэтому он и захватил с собой немалую бутылку. И про сациви не забыл, а как же!

Сразу же по приезде со стариком случилась неприятность. К нему подошел полицейский и строго попросил предъявить.

– Я в библиотеку приехал, – объяснил ситуацию Гехван.

– Это ничего не меняет, – страж порядка был строг и деловит. – Па-апрашу!

– Слушай, дорогой, ты не шуми, – сказал добродушно старик. – Документы есть. Как к Ленинке пройти, подскажи, пожалуйста.

Но полицейский непонятно почему расшумелся и принялся свистеть, подзывая подручных. Гражданина Гехванидзинжадзе окружили и учинили допрос с пристрастием. Только после показа паспорта и билета до Москвы военные мужи немного оттаяли, а один из них даже подобрал с земли и всучил старику оторванную в пылу дознания пуговицу с пиджака Гехвана,

– Дед, ты только не обижайся, – сказал он. – Времена у нас смутные, мало ли что...

– Что? – старик все-таки решил возмутиться. – Что вам Гехванидзинжадзе плохого сделать может? Я в Ленинку иду. Читать.

– Читать мог и дома, – сухо сказал один из добрых молодцев. – А у Ленина читать нельзя.

На него смотреть надо, понял?

– Я уже видел, – ответствовал старик. – В восемнадцатом, когда Зимний защищал.

– Брал? – уточнил дружинник.

– Защищал, по-русски же говорю, э? К стенке бы поставили, да ваш этот Ленин заступился. Не надо, говорит, генацвале трогать, он нам еще пригодится.

– И пригодился?

Старик расправил седые усы и усмехнулся:

– Чуть-чуть, – сказал он скромно. – Немножко совсем. А как пройти-то, подскажи?

Полицейский принял долго и путано объяснять, потом махнул рукой и всучил Гехвану карту Москвы, отметив галочкой место, куда должен был попасть старый ленинец. Подхватив чемоданчик, грузин заспешил к метро.

С большими перипетиями Гехван добрался до Ленинской библиотеки. Проказник-мент указал ему местоположение отнюдь не Ленинки, но Мавзолея, и несчастный Гехван долго пытался попасть внутрь, уверяя почетных караульщиков, что просто желает почитать. На его счастье, один из охранников оказался земляком старика и объяснил ему ошибку. Зажав в руке адрес библиотеки, Гехванидзинжадзе продолжил свой многострадальный путь.

Как старику удалось проникнуть внутрь, минуя кордоны контролеров и охранников, остается только догадываться. Сам же Гехван никогда и никому об этом не рассказывал, в пьяном же угаре мог только показать пантомимой, а из жестов и непристойных стариковских телодвижений соседи, естественно, никаких более-менее ценных сведений добыть не могли. Одно было известно точно – пронырливый Гехван все же попал внутрь вождя здания, дождался темноты и, вооружившись припасенным фонарем «Луч-3», отправился на поиски нужного крыла, подвала и коридора.

Страшно было старику Гехвану. Пригибаясь, больше, конечно, от ужаса, нежели из боязни стукнуться головой, шел он извилистыми путями, наступая на кончик желтого круга

света фонарика, дрожащего впереди. Пахло книгами и лежалым сыром, очень хотелось в Новоозерск и в туалет, но долг старинной дружбы гнал вперед. Он уже не помнил, сколько часов проблуждал в лабиринте храма книги, как под ногами неожиданно захрустели чьи-то кости. Стало совсем жутко. А когда откуда-то из глубин помещения польшался мерный стук, похожий на удары в барабан, а вслед за ним – низкий, леденящий душу вой, Гехван остановился. Ему надо было подумать: быстро убежать или же мчаться, как ветер.

И тут на него и выскочило. Позднее, когда старик пытался описать его своим друзьям, его поднимали на смех. Сашка Панкратов хлопал Гехванидзинжадзе по сухонькой спине и кричал, что такие чудища даже ему, Панкратову, ни разу не виделись, а уж сколько он их повидал на своем трудном алкоголическом веку! А Ничипор Котейко, в будущем писатель Буран, тихонько похихикивал в кулачок, что не помешало ему, однако, в дальнейшем вывести описанный стариком кошмар в одной из своих книг под названием «Маленькое привидение большого дома».

Короче говоря, Это завопило прямо в лицо старику. Старик не растерялся и завопил прямо в лицо Этому. Тогда непонятная тварь заревела еще громче и взмахнула лапами, пытаясь ухватить старика за плечи. Гехван увернулся, швырнул в Него фонариком и пустился наутек. В первые мгновения он слышал страшный крик существа, которому наверняка нанес урон своим осветительным прибором. Последующие минут десять он практически чувствовал на своих пятках жаркое дыхание гнавшегося за ним чудища. Но недаром Гехван пятьдесят лет оттрубил в секретных водолазных войсках – теперь его умение определять верное направление даже в мутной воде сослужило ему верную службу. Старик петлял по таинственным коридорам, кидался то в одну, то в другую сторону. Если бы соседи по коммуналке увидели сейчас Гехванидзинжадзе, несущегося по извилистым темным коридорам со скоростью гепарда, они бы очень крепко подумали, прежде чем в следующий раз вычеркивать старика из списка по выносу мусора, машина за которым приходила в шесть часов, а уходила в шесть часов ноль две минуты, и жильцам всего дома нужно было ухитриться не только добраться до машины, но и, растолкав локтями вожделеющих, вывалить свое добро из ведра в разверстую пасть мусорки.

Гехван выскочил на свет как раз в тот момент, когда охранник, отчаянно зевая, гремел ключами, отпирая изнутри помещение библиотеки. С напором профессионального рестлера он отбросил в сторону медведеподобного сторожа и вылетел на улицу. Теперь его путь лежал только в одно место. Нет, не в милицию. Гехван уже ощутил на себе дружелюбие местных властей и теперь желал только одного – поскорее исчезнуть с карты столицы нашей родины и вновь пополнить собой население маленького провинциального Новоозерска.

И, хотя старик ничего особенного не совершил, в своей квартире он сразу стал национальным героем. Его разве что не носили на руках, а поэт Гундосый даже пообещал сложить в его честь хвалебную песнь, а может, и эпос – но это как пойдет.

А о письме, которое старик получил через неделю после возвращения, он никому не сказал. Потому что в нем говорилось следующее:

«Здравствуй, далекий друг Гехван! Извини меня, старую обезьяну, что не написал тебе сразу. Знаешь, совершенно необычная вещь со мной произошла! Сможешь ли поверить, но я совершенно случайно заблудился в этой окаянной библиотеке! Неделю просидел, веришь? Хотя как ты можешь не верить, мы же с тобой, помнится, в окружении под Архангельском целый месяц только воду пили! Так вот, сидел я там, как Монте-Кристо какой, понимаешь. Очень страшно было, как на духу расскажу, дорогой. Кто-то все время выл, постукивал да похрустывал, мамой клянусь! А потом произошло чудо – наверное, случайный библиотекарь, да получит он свою зарплату вовремя, зашел в тот самый коридор, где сидел я, но испугался моего радостного появления и наутек пустился. Долго бежал я за ним по темным извилистым ходам пещеры, а он ускользал, хитрый! И неслись мы так в долгой и страшной темноте

и тишине, пока впереди не забрезжил свет, и не выскочил я вслед за ним на поверхность. Ай, спасибо красавцу-библиотекарю, да не смог узнать, как зовут – непременно бы тебя с ним познакомил, мы сели бы, стали пить, веселиться, в общем – как у нас принято. Так что не пугайся, дорогой, все у меня хорошо, слава Богу. А в гости непременно приезжай, угощу – домой не захочешь. Счастливо! Твой Вахтанг».

А еще через неделю соседи застали Гехвана сидящим в кресле в состоянии полной катаlepsии. В руках у него был свежий номер «Столичных вестей». Статья, которую, видимо, изучал впавший в транс старик, называлась «Ленинские тайны»:

«Недавно в здании Российской государственной библиотеки были начаты ремонтные работы. Вчера сотрудники, обследовавшие самые далекие уголки здания, обнаружили в правом коридоре подвального помещения левого крыла человеческие останки. Фрагменты по меньшей мере трех скелетов были разбросаны по всему коридору, а также под одним из стеллажей с подпиской газеты „Искра“ за двадцать первый год был обнаружен огромный лаз, похожий на крысиный, но гораздо большего размера. Сотрудники срочно вызвали специалистов из области биологии и полицейскую собаку. Будем ждать результатов».

Статья была прочитана вслух, поскольку желающих узнать о том, что так потрясло старика, было много. И тут неожиданно раздался скрипучий смех. Это смеялся Гехван. Он лежал в кресле с полузакрытыми глазами и хихикал.

– Биологи, – сквозь смех говорил он. – Собака у них. Собака на обед, биологи – на ужин. А Гехвана – вот!

И он размашисто показал всем присутствующим широко распространенный жест. И больше от Гехванидзингадзе нельзя было вытянуть ни единого слова. А может, оно и к лучшему? Для старика-то во всяком случае...

Пиво, соки, воды

Михаил Андреевич Леший был равнодушен к пиву, сокам и любому сорту минеральной воды. Однако лоток держал. И торговал с него означенными жидкостями, нимало не смущаясь тому, что не может иметь того, что охранял. К тому же он стоял к емкостям спиной, выражая им таким образом свое презрение.

Вот в один из теплых майских деньков, когда лоток был особенно востребован, Леший поднял глаза на очередного посетителя – и ахнул. Перед ним собственной персоной стоял известный и популярный писатель-фантаст Буран. Михаил Андреевич был в курсе того, кто скрывается за столь элегантным псевдонимом, поэтому без обиняков и вступлений сказал:

– Котейке – наше с кисточкой!

И сделал рукой возле головы отмахивающее невидимую осу движение – это он так отдавал честь по-нерусски, насмотревшись тупых боевиков.

– Сидите, сидите, Михал Андреич, – царственно сказал Буран, несмотря на то, что Леший был весь день на ногах. – Я к вам по делу.

– Надеюсь, не по личному, а купить пива, соков или вод? – подмигнул собеседнику Леший.

– Надежды пошли прахом, – склонил голову Буран. – Я по другому вопросу.

– Ну так выкладывайте, голуба! – чуть не закричал Леший. – Очень уж тошно продавать! Без событий, без людей – одни покупатели! Говорите скорее!

И Буран заговорил. И то, что он выложил, Лешему очень и очень не понравилось.

...Фантаст Буран был в творческом простое. Нет, писать он мог и даже хотел, только не знал – про что. Сюжеты, которые приходили ему в голову, все, как на подбор, были уже кем-то заняты. Он приходил к своему литературному агенту (будучи новоозерским авторским «толкачом», Буран сразу после получения признания обзавелся своим собственным литагентом, над которым можно и нужно было измываться) и стоял у того над душой, требуя свежих мыслей и оригинальных задумок. Агент, звали которого Андрей Опопов, выходец из глубинки и сам в прошлом писатель, предложил ему дикую, но не лишнюю оригинальности задумку про живой навоз. С тех пор Буран посматривал на литагента косо.

И вот недавно самому фантасту пришла в голову такая замечательная идея, что пальчики оближешь! Про круги на полях, которые оставляет непонятно кто. Буран аж повизгивал от предвкушения того, как он вывернется из ситуации, которая берedit душу многим уфологам. Но затем черт в лице друга и коллеги, не менее широко известного в средней полосе России фантаста Гусинского дернул пойти Бурана на новый мистический триллер режиссера М. Найта Шьямалана «Знаки». Вышел из кинозала Буран посеревшим и спавшим с лица. Подлый индус украл его задумку! С горя подошел фантаст к книжному лотку и купил новый роман Терри Пратчетта из цикла «Плоский мир» – «Дамы и господа». Но, вернувшись домой и прочитав пару сотен страниц, он издал душераздирающий рев, и ни в чем не повинная книга сочно впечаталась в стену. И в романе злосчастного Пратчетта тоже говорилось о подлых кругах! Буран уже начал подумывать, а не переименоваться ли ему обратно в Котейку и не уехать ли в родной Новоозерск. Потянуло запахом свежей листвы, прелого мусора и невыносимого Сашки Панкратова. Отринув, писатель кинулся к последнему источнику знаний – к газетам, в надежде хоть там-то найти ниточку, из которой потом можно будет связать приличный романчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.